

Гордость и предубеждение

Автор:

Джейн Остин

Гордость и предубеждение

Джейн Остин

100 великих романов

Книги английской писательницы Джейн Остин (1775–1817) пользовались огромной популярностью и при жизни автора, но признана «первой леди английской литературы» она была уже в XX веке.

По словам Сомерсета Моэма, «благодаря остроте зрения, иронии и остроумию все, что она писала, было необыкновенно».

Лучшим из всего, что создано Джейн Остин, считается роман «Гордость и предубеждение», до сих пор не утративший своего неподражаемого очарования и блеска.

Джейн Остин

Гордость и предубеждение

© Гурова И., перевод на русский язык, 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Джейн Остин

Лучшие друзья девушек – книжки

Хотя бы потому, что книжки несравненно доступнее бриллиантов. Но главное – они также лучше тех драгоценностей, что призваны украшать тела и ослеплять холодным блеском. Книги просвещают, обнадеживают и согревают души, являясь утешительным призом для девушек и женщин, не разучившихся мечтать. А как заметил Чехов – большой знаток женской психологии и создатель целой галереи незабываемых женских характеров, – именно читательницы обеспечивают славу писателям.

Существуют романы, написанные женщинами для женщин, и настоящим бриллиантом в их ряду считается сочиненный двести лет назад роман «Гордость и предубеждение» Джейн Остин (1775–1817).

Джейн родилась в английской провинции в многодетной семье приходского священника. Образование получила домашнее, но такого качества, какое редкая школа способна дать. Ее живой ум и веселый нрав, общительность и наблюдательность, насмешливый характер и злой язычок уже к двадцати годам помогли ей созреть как писательнице. Оставалось только поднабраться опыта, отточить стиль и вкус. Изначальная версия романа «Гордость и предубеждение» была сочинена Джейн в возрасте двадцати одного – двадцати двух лет, что для сколь-нибудь серьезной прозы не просто редкость, а почти исключение в истории мировой литературы. Через полтора десятилетия она переписала и издала под псевдонимом этот шедевр романистики (чрезвычайно любопытно, между прочим, сравнить главу третью «Гордости и предубеждения» с третьей главой «Евгения Онегина», в которых происходит знакомство главных героев). Ее книгами зачитывалась не только публика, но и монаршие особы, однако

литературное признание она получила лишь за год до смерти благодаря статье прославленного Вальтера Скотта, восхищенного оригинальностью ее таланта. По-настоящему же Остин была признана «первой леди английской литературы» уже в XX веке.

Причиной того была новизна ее письма. Тогдашние «готические» романисты, романтические поэты и сам Вальтер Скотт писали о событиях необыкновенных и далеких, героических или пугающих. А Джейн Остин стала писать о вещах самых обыкновенных, близких, всем знакомых, но с такой наблюдательностью, глубиной проникновения и иронией, что обыкновенное переставало выглядеть приевшимся и привычным – в чем и состоит механизм всякого чуда. Ее предшественниками в английской прозе были Генри Филдинг и Лоренс Стерн, но в своем художественном исследовании мира людей Джейн стремилась избавиться от сатирических плакатных приемов и перейти к живописанию «смешанных характеров». Характеров с той или иной пропорцией хорошего и дурного в них, с перетеканием достоинств в недостатки и наоборот (что было известно уже древнекитайским авторам Книги Перемен), с присущей всему живому способностью развиваться и изменяться. Что не всеми и далеко не сразу было оценено в полной мере.

Заплатить за это Джейн Остин довелось по полной программе. Ее творческая жизнь оказалась удачной, а личная жизнь – нет. Счастьем Джейн было заинтересованно наблюдать и описывать перипетии судеб хорошо знакомых ей людей, вести оживленную переписку с родней и гостить в их семьях, заботиться о близких и наведываться в Лондон, где стали выходить ее книги. Ее коньком стала испокон веков ведущаяся охота на женихов и невест в условиях имущественного неравенства и сословных предрассудков, которые были всемогущи в ее время. Они-то и похоронили возможность замужества будущей писательницы то ли с будущим юристом, то ли с будущим священником. Еще пару брачных предложений она отвергла, надев в тридцать лет чепчик старой девы, а в сорок один умерла.

О, как на этот сюжет накинудись кинематографисты последних десятилетий – сколько зрительниц обрыдались на их фильмах и сколько зрительниц сделались страстными читательницами книг Джейн Остин и историй о ней самой!

Достаточно вспомнить роман Хелен Филдинг «Дневник Бриджит Джонс» и его экранизацию, в которых «Гордость и предубеждение» оказались пересажены на современную почву и снискали грандиозный успех во всем мире. Иронии в них

несравненно больше, антураж современный, но суть от этого не изменилась.

В жизни одно, а в творчестве – другое. В его сотах остается чистый мед, собранный писательницей на полянках жизни. Например, история о том, как любовь ломает лед гордости и предубеждений – сословного высокомерия и ответных обид. С образцовым хеппи-эндом.

Игорь Клех

Книга первая

Глава I

Холостяк, если он обладает солидным состоянием, должен настоятельно нуждаться в жене, такова общепризнанная истина.

И сколь ни мало известно о чувствах и намерениях подобного человека, когда он меняет местожительство, вышеупомянутая истина так прочно гнездится в умах его новых соседей, что с первой же минуты они смотрят на него как на законную собственность той или иной из их дочерей.

– Мой дорогой мистер Беннет, – в один прекрасный день объявила супруга означенного джентльмена, – вы слышали, что Недерфилд-Парк наконец-то арендовали?

Мистер Беннет ответил, что ничего об этом не слышал.

– Но да, да! Миссис Лонг только что побывала у нас и все мне рассказала.

Мистер Беннет безмолвствовал.

– Неужто вам не хочется узнать, кто там поселился? – нетерпеливо осведомилась его дражайшая половина.

– Зато вам хочется сообщить мне эту новость, и я готов ее выслушать.

– Так вот, мой друг, миссис Лонг говорит, что Недерфилд-Парк арендовал молодой человек с очень большим состоянием, проживающий на севере Англии. В понедельник он приезжал в коляске четверней осмотреть поместье и пришел в такой восторг, что тут же согласился на все условия мистера Морриса и переедет он туда еще до Михайлова дня, а некоторых слуг пришлет уже в конце будущей недели.

– Как его фамилия?

– Бингли.

– Женат или холост?

– Ах, мой друг, разумеется, холост. Холостой молодой человек с большим состоянием. Четыре-пять тысяч годового дохода. Какое счастье выпало нашим девочкам!

– Каким образом? При чем здесь они?

– Мой дорогой мистер Беннет, – воскликнула его супруга, – будто вы не знаете! Разумеется, вы поняли, что я представила, как он женится на одной из них.

– Во имя этой цели он и решил поселиться здесь?

– Цели? Вздор! Ну что вы такое говорите? Однако очень и очень может быть, что он влюбится в какую-нибудь, а потому вы должны сделать ему визит, едва он переедет.

– Не вижу зачем. Почему бы вам не посетить его вместе с девочками? Или лучше пошлите их к нему одних. Ведь вы так авантажны, что мистер Бингли всем им может предпочесть вас.

– Мой друг, вы мне льстите. Да, разумеется, я была очень недурна собой, но теперь уже не помышляю о том, чтобы пленять. Женщинам с пятью взрослыми дочерьми не пристало думать о собственной красоте.

– Женщины в подобном положении редко сохраняют столько красоты, что о ней стоило бы думать.

– Тем не менее, мой друг, вы непременно должны сразу же побывать у мистера Бингли по его приезду.

– Отнюдь не должен, уверяю вас.

– Но подумайте о своих дочерях. Только вообразите, какая это будет партия для одной из них! Сэр Уильям и леди Лукас не замедлят нанести ему визит по одной этой причине. Вы же знаете, они никогда первыми не посещают новых соседей. Нет-нет, вы должны побывать у него, иначе мне с девочками никак нельзя будет отправиться к нему с визитом.

– Право, вы слишком уж строго блюдете этикет. Не сомневаюсь, мистер Бингли будет весьма рад такому знакомству. А я вручу вам для него записку с заверениями в моем полном согласии на его брак с той моей дочерью, которую он удостоит своего выбора. Хотя, пожалуй, я замолвлю словцо за мою малютку Лиззи.

– Прошу вас ничего подобного не делать. Лиззи ничем не лучше своих сестер. По моему суждению, она и вполтину не так красива, как Джейн, и вполтину не так очаровательна, как Лидия. Ну да вы всегда отдаете предпочтение ей.

– Ни одна из них ничем особенным не блещет, – возразил ее супруг. – Глупенькие и невежественные, как положено юным барышням. Тем не менее у Лиззи больше живости ума, чем у ее сестриц.

– Мистер Беннет, как вы можете так чернить собственных дочерей? Вам нравится поддразнивать меня. Никакого сострадания к моим бедным нервам.

– Вы заблуждаетесь, душа моя. К вашим нервам я питаю самое глубокое почтение. Ведь они мои давние друзья. Вот уже по меньшей мере двадцать лет,

как с такой попечительностью вы упоминаете о них.

– Ах, вы не понимаете моих страданий!

– Но, уповаю, вы совладеете с ними и доживете до того, чтобы увидеть, как в окрестностях поселится еще много молодых людей с годовым доходом в четыре тысячи фунтов.

– Что толку нам, поселись их тут хоть двадцать, если вы не пожелаете сделать им визиты?

– Уверяю вас, душа моя, когда их наберется двадцать, я побываю у каждого из них.

Натура мистера Беннета слагалась из стольких противоречивых качеств, таких как саркастический ум, сдержанность и чудаковатость, что двадцати трех лет жизни с ним оказалось мало, чтобы жена научилась его понимать. А вот ее сущность постигнуть было куда легче. Она была женщиной очень недалекой, невежественной, со вздорным характером. Если ей что-то досаждало, она впадала в нервическое расстройство. Целью ее жизни было выдать замуж всех своих дочерей, а радостями – визиты и пересуды.

Глава II

Мистер Беннет нанес визит мистеру Бингли одним из первых. Он с самого начала намеревался побывать у него, хотя до последней минуты убеждал жену, что делать этого ему совсем не следует. И она пребывала в полном неведении до вечера того дня, когда визит был нанесен. И вот как она узнала об этом событии. Поглядев, как его вторая дочь трудится над отделкой своей шляпки, мистер Беннет неожиданно сказал:

– Надеюсь, Лиззи, что она понравится мистеру Бингли.

– Нам неоткуда узнать, что нравится мистеру Бингли, а что нет, – сердито сказала мать барышни, – раз в знакомстве с ним нам отказано.

– Но вы забываете, маменька, – сказала Элизабет, – что мы будем встречать его на ассамблеях, а миссис Лонг обещала представить его нам.

– Вот уж не думаю! У миссис Лонг есть две родные племянницы. Она себялюбивая лицемерка, и я о ней самого низкого мнения.

– Как и я, – сказал мистер Беннет. – Рад узнать, что вы не полагаетесь на ее желание услужить вам.

Миссис Беннет не снизошла до ответа, но, не в силах сдержаться, принялась выговаривать одной из дочерей:

– Да не кашляй же так, Китти! Имей хоть чуточку сострадания к моим нервам. Ты их совсем истерзала.

– Китти позволяет себе кашлять, когда ей вздумается, – заметил папенька. – И выбирает она для этого самое неподходящее время.

– Я кашляю не для своего развлечения, – обиженно сказала Китти. – А когда твой следующий бал, Лиззи?

– Через две недели, считая с завтрашнего дня.

– Ведь и правда! – воскликнула маменька. – А миссис Лонг вернется только накануне и, значит, не сможет его нам представить. Она же не успеет сама с ним познакомиться.

– О, тогда, душа моя, почему бы вам не опередить свою дорогую подругу и самой не представить ей мистера Бингли?

– Это невозможно, мистер Беннет, невозможно, коли я сама с ним не знакома. Как несносны ваши поддразнивания!

– Воздаю должное вашей осмотрительности. Бесспорно, две недели знакомства срок слишком краткий. За две недели трудно узнать, каков человек на самом деле. Но, если мы уклонимся, найдутся другие. И, значит, опасность эта не

минует миссис Лонг и ее племянниц. А так как она усмотрит в этом добрую услугу, то, если вы решительно против, я окажу ее сам.

Барышни уставились на папеньку в недоумении. Миссис Веннет сказала лишь:

– Вздор! Вздор!

– Что означает столь горячее восклицание? – вскричал мистер Беннет. – Вы почитаете вздором строгое соблюдение правил этикета, когда речь идет о новых знакомствах, и важность, им придаваемую? Нет, тут я никак не могу с вами согласиться. А что скажешь ты, Мэри? Ведь ты, как мне известно, очень глубокомысленная девица, почитываешь мудрые книги и делаешь из них выписки.

Мэри очень хотелось сказать что-то на редкость умное, но ей так ничего в голову и не пришло.

– Пока Мэри приводит в порядок свои мысли, – продолжал папенька, – не вернуться ли нам к мистеру Бингли?

– Я даже имени мистера Бингли больше слушать не желаю, – объявила его супруга.

– Вы меня удручаете. Почему вы прежде меня не предупредили? Знай я об этом нынче утром, так не побывал бы у него с визитом. Очень-очень жаль, но, поскольку визит я ему нанес, нам нельзя будет уклониться от дальнейшего знакомства с ним, не правда ли?

Ошеломление его жены и дочерей не оставляло желать ничего лучшего. И особенно миссис Беннет. Разумеется, едва первые восторги поулеглись, она не преминула указать, что ничего другого и не ожидала.

– Как вы добры, дражайший мистер Беннет! Впрочем, я знала, что в конце концов сумею вас убедить. Знала, что любовь к нашим девочкам не позволит вам пренебречь таким знакомством. Не могу выразить, как я довольна. И какая бесподобная шутка: побывать у него утром, а рассказать об этом только сейчас.

– Теперь, Китти, ты можешь кашлять, когда и сколько пожелаешь, – сказал мистер Беннет и с этими словами удалился, чтобы не слышать излишней своей супруги.

– Какой у вас превосходный отец, девочки, – сказала та, когда дверь за ним затворилась. – Я просто не в силах вообразить, как вы могли бы его отблагодарить за подобную доброту. Да и меня, коли уж об этом зашла речь. В наши годы, позвольте вам сказать, вовсе не так уж приятно каждый день заводить новые знакомства, но ради вас мы жертвуем всем. Лидия, душенька моя, хоть ты и младшенькая, полагаю, мистер Бингли будет непременно танцевать с тобой на следующем балу.

– О! – мужественно сказала Лидия. – Я не боюсь. Пусть я и младшая, зато самая высокая.

Остальной вечер прошел в догадках, как скоро мистер Бингли отдаст визит, и в обсуждении того, когда им следует пригласить его отобедать у них.

Глава III

Однако миссис Беннет даже с помощью всех пяти дочерей никакими ухищрениями не удалось вытянуть у своего супруга сколько-нибудь внятного описания наружности мистера Бингли. Они атаковали его и так, и эдак – задавали прямые вопросы, строили всяческие предположения, прибегали к хитроумным догадкам, но он умело избежал всех ловушек, и в конце концов им пришлось удовольствоваться сведениями из вторых рук – от их соседки, леди Лукас. Описание оказалось самым лестным. Сэр Уильям был от мистера Бингли в восторге. Он очень молод, удивительно хорош собой, весьма любезен – и, в довершение всего, намерен приехать на следующую ассамблею в сопровождении большого общества. Что могло быть восхитительнее! А любовь к танцам – это же первый шаг, чтобы влюбиться. И вспыхнули живейшие надежды на покорение сердца мистера Бингли.

– Увидеть бы одну мою девочку счастливой хозяйкой Недерфилда и чтобы остальные сделали партии не хуже – так мне большего и желать было бы нечего.

Не миновало и трех дней, как мистер Бингли приехал с ответным визитом и десять минут просидел с мистером Беннетом в библиотеке. Он питал надежду увидеть барышень, о красоте которых успел наслышаться, но увидел лишь их папеньку. Зато барышням посчастливилось больше, ибо из окна верхнего этажа они могли убедиться, что сюртук на нем голубой, а лошадь под ним вороной масти.

Вскоре вслед за этим было послано приглашение на обед, и миссис Беннет уже обдумывала, какими блюдами потчевать гостя, чтобы не ударить лицом в грязь, но присланный ответ принудил ее отложить свои планы. Мистеру Бингли на следующий день необходимо быть в Лондоне, а потому он вынужден отказаться от их любезного приглашения, и так далее и тому подобное.

Миссис Беннет была весьма обескуражена. Она не могла вообразить, какое дело вдруг призвало его в столицу так скоро после переезда в Хартфордшир. Ее снедали опасения, что он и впредь будет перепархивать туда-сюда, не задерживаясь в Недерфидде подолгу. Ее страхи несколько рассеяла леди Лукас, высказав предположение, что в Лондон он уехал с тем, чтобы пригласить на бал обещанных гостей, а вскоре пошли слухи, что мистер Бингли прибудет на ассамблею в сопровождении двенадцати дам и семи джентльменов. Такое число дам удручило барышень, однако накануне бала их утешила весть, что из Лондона он привез всего шесть особ женского пола – пять своих сестер и кузину. А в залу собрания их вошло всего пятеро: сам мистер Бингли, две его сестры, муж старшей и еще один молодой человек.

Мистер Бингли был красив и выглядел истинным джентльменом. Выражение его лица отличалось большой приятностью, а манеры – мягкостью и непринужденностью. Его сестры, тоже очень недурные собой, держались как особы, принадлежащие к высшему свету. Его шурин, мистер Хёрст, был, разумеется, джентльменом, но ничем не примечательным, однако его друг, мистер Дарси, стал вскоре средоточием всеобщего внимания благодаря высокой стройной фигуре, правильным чертам лица, благородной осанке, а также слуху, который уже через пять минут после его появления успел обежать всю залу – он оказался обладателем годового дохода в десять тысяч фунтов. Мужчины объявили его на редкость представительным, а дамы сочли куда более красивым, чем мистер Бингли, и он оставался предметом всеобщего восхищения примерно половину вечера, но мало-помалу общество почувствовало себя оскорбленным его манерами и разочаровалось в нем; ибо обнаружилось, что он несносный гордец, почитает себя выше всех, и ему невозможно угодить. После

чего даже обширное поместье в Дербишире не воспрепятствовало заключению, что черты лица у него надменные и неприятные и что он не идет ни в какое сравнение со своим другом.

Вскоре мистер Бингли был уже знаком со всеми в зале, кто хоть что-нибудь значил. Он веселился от души, не пропустил ни одного танца, огорчился, что бал кончился столь рано, и упомянул, что непременно даст бал в Недерфилде. Столь превосходные качества свидетельствовали сами за себя. Какая разница между ним и его другом! Мистер Дарси пригласил на первый танец миссис Хёрст, еще один он протанцевал с мисс Бингли, не пожелал, чтобы его представили другим дамам и девицам, а остальное время прохаживался по залу, порой останавливаясь обменяться несколькими фразами со своим другом, его сестрами и шурином. Приговор ему был вынесен единодушный: самый чванливый гордец, самый невыносимый человек в мире! Все от души надеялись, что он никогда больше здесь не покажется. Среди особенно восстававших против него была и миссис Беннет, чье негодование на подобное поведение усугубилось пренебрежением, с каким он отозвался об одной из ее дочерей.

Кавалеров на балу оказалось меньше, чем дам, и Элизабет Беннет два танца выпало просидеть у стены. Несколько минут мистер Дарси стоял так близко от нее, что она волей-неволей подслушала разговор между ним и мистером Бингли, который ненадолго оставил свою даму, чтобы уговорить его присоединиться к танцующим.

– Право же, Дарси, – сказал он, – ты непременно должен пойти танцевать. Не могу смотреть, как ты бессмысленно стоишь тут. Танцы тебя развлекают.

– Отнюдь. Ты же знаешь, что я их не терплю, если моя дама мало мне знакома. А в таком собрании это и вовсе будет нестерпимо. Твои сестры ангажированы, и в зале не найдется ни одной дамы или девицы, танцевать с кем не было бы для меня сущей карой.

– Ни за что на свете я бы не хотел быть таким разборчивым, как ты! – вскричал Бингли. – По чести, я еще ни разу в жизни не видел столько обворожительных барышень, как нынче вечером, и, согласись, некоторые на редкость хороши собой.

– Ты танцуешь с единственной красавицей среди них, – сказал мистер Дарси, взглянув на старшую мисс Беннет.

– О, она несравненна. Но вот же прямо позади тебя сидит ее сестра, прехорошенькая и, полагаю, приятная барышня. Прошу, позволь моей даме представить тебя ей!

– Которая из них? – И Дарси через плечо посмотрел на Элизабет, встретился с ней взглядом и отвернулся, холодно процедив: – Да, она недурна, но не настолько, чтобы очаровать меня, а я не в настроении благодетельствовать девицам, которых не удостаивают вниманием другие. Вернись-ка лучше к своей даме, купайся в свете ее улыбок и не трать понапрасну время на меня.

Мистер Бингли последовал его совету, а мистер Дарси неторопливо отошел, пробудив в Элизабет не самые добрые чувства к себе. Она не преминула поведать о случившемся своим подругам с колким остроумием, так как ее отличала живая веселость, которой смешные нелепицы служили желанной пищей.

В остальном вечер для их семьи прошел весьма приятно. Миссис Беннет не сомневалась, что ее старшая дочь обворожила недерфилдское общество. Мистер Бингли дважды ее ангажировал, а его сестры обошлись с ней особо любезно. Джейн была польщена не меньше маменьки, хотя не выражала этого так открыто. Элизабет разделяла радость Джейн. Мэри своими ушами слышала, как мисс Бингли ее отрекомендовали самой образованной девицей здешних мест, а Кэтрин и Лидии выпало счастье ни на минуту не оставаться без кавалеров, а о большем они на балах пока и не мечтали. Вот почему все они были в самом лучшем расположении духа, когда возвратились в Лонгборн, деревушку, где обитали, главенствуя над остальными ее жителями.

Мистера Беннета они застали бодрствующим. Над книгой он забывал о времени, а к тому же любопытствовал узнать о событиях вечера, на который возлагались такие ожидания. Он тешился мыслью, что все расчеты его супруги на новое знакомство потерпят фиаско, но не замедлил убедиться, что выслушать ему предстоит совсем другую историю.

– Ах, мой дорогой мистер Беннет, – начала она, едва войдя в комнату. – Мы бесподобно провели вечер. Чудесный бал! Я так жалела, что вас не было с нами.

Только вообразите, Джейн снискала всеобщее восхищение! Все говорили, как она прелестна, а мистер Бингли признал ее настоящей красавицей и танцевал с ней два раза. Вы только подумайте, мой друг, он танцевал с ней дважды и только ее одну ангажировал на второй танец. Первой он пригласил мисс Лукас. Пока я смотрела на них, меня взяла такая досада! Однако она его ничуть не очаровала, да и кого она может очаровать? А едва он увидел, как танцует Джейн, то был просто сражен. Осведомился, кто она такая, попросил представить его и тут же пригласил ее на следующий танец. Третий он танцевал в паре с мисс Кинг, а четвертый с Марией Лукас, а пятый снова с Джейн, а буланже...

– Будь у него хоть капля сострадания ко мне, – вскричал ее супруг брюзгливо, – он бы не танцевал так много! Бога ради, не перечисляйте, кого он еще ангажировал. И почему только он не вывихнул лодыжку в первом же танце!

– Ах, мой друг, – продолжала миссис Беннет, – я в полном от него восхищении. И какой красавец! А его сестрицы обворожительны. В жизни я не видела ничего моднее их туалетов. А уж кружевная отделка платья миссис Хёрст!..

Тут ей снова пришлось прервать свою речь. Мистер Беннет не желал ничего слышать про дамские тряпки. Посему ей пришлось перейти на другую тему, и с величайшим негодованием, а также некоторыми преувеличениями она поведала ему о возмутительной грубости мистера Дарси.

– Но заверяю вас, – заключила она, – Лиззи не много потеряла, не понравившись ему. Пренеприятнейший, отвратительнейший человек, и совершенно незачем быть с ним любезным. Такой заносчивый, такой спесивый, что никакого терпения не хватит! Не настолько красива, чтобы танцевать с ней! Я так сожалею, мой друг, что вас там не было, отделать его хорошенько, как вы умеете. Право, я его не выношу!

Глава IV

Когда Джейн и Элизабет остались наедине, первая, прежде отозвавшаяся о мистере Бингли со сдержанной похвалой, теперь не замедлила признаться сестре, как он ее очаровал.

– Вот таким и должен быть молодой человек, – сказала она. – Рассудительным, добрым, веселым. И я еще никогда не видела столь чудесных манер, сочетающих непринужденность с безупречнейшей благовоспитанностью.

– И в довершение он красив, – прибавила Элизабет. – Каким молодому человеку тоже не мешает быть, если это в его силах. Следовательно, у него нет ни единого изъяна.

– Мне было так лестно, когда он пригласил меня во второй раз. Подобного комплимента я никак не ожидала.

– Неужели? Ну, так я ожидала за тебя. В том-то и главная разница между нами. Тебя комплименты всегда застают врасплох, а меня – никогда. Что могло быть естественнее его второго приглашения? Он же видел, что ты в пять раз красивее всех, из кого он мог там выбирать. Галантность тут ни при чем. Да, он, бесспорно, очень мил, и, если он тебе нравится, даю тебе мое позволение. Тебе ведь нравилось немало более глупых кавалеров.

– Лиззи, милочка!

– Ведь тебе по твоей доброте все люди нравятся. Ты ни в ком не видишь недостатков; в твоих глазах все приятны и обходительны. Мне ни разу не доводилось услышать, чтобы ты о ком-нибудь отзывалась дурно.

– Мне не нравится торопиться с осуждением кого бы то ни было, но я всегда говорю то, что думаю.

– Знаю, знаю. В этом-то и чудо. С твоим здравым смыслом не замечать чужой глупости и вздорности! Притязания на прямоту – вещь самая обычная, с ними сталкиваешься на каждом шагу. Но быть прямотой без притворства или задней мысли, видеть во всех только лучшее и кое-что добавлять от себя, а о дурном не упоминать – это только твое свойство. Его сестры ведь тебе тоже понравились, не так ли? А их манеры далеко уступают его манерам.

– О, на первый взгляд пожалуй. Но, побеседовав с ними, видишь, что они обе очень приятные особы. Мисс Бингли будет жить у брата, вести дом, и я очень ошибаюсь, если в ней мы не обретем очаровательную соседку.

Элизабет ничего не ответила, но заверения сестры ее не убедили. На ассамблее миссис Хёрст и мисс Бингли, судя по тому, как они держались, вовсе не искали доброго расположения своих новых знакомых. Элизабет, более наблюдательная и менее доверчивая, чем ее сестра, и чье суждение не было подсказано их любезностью, не заметила в них никаких достоинств. Собственно говоря, обе были светскими особами до кончиков ногтей; приятными, если им ничто не досаждало, обходительными, когда считали нужным, но и заносчивыми и самодовольными. Они не были обделены красотой, воспитывались в одном из лучших столичных пансионатов, обладали состоянием в двадцать тысяч фунтов каждая, имели привычку тратить больше, чем того требовало благоразумие, вращались в самом избранном обществе, а потому во всех отношениях имели право себя ставить очень высоко, а других – очень низко.

Они происходили из почтенной семьи на севере Англии – обстоятельство, которое запечатлелось в их памяти много прочнее, чем то обстоятельство, что состояние их брата, как и их собственное, было нажито торговлей.

Мистер Бингли унаследовал почти сто тысяч фунтов от отца, который намеревался обзавестись поместьем, но ему воспрепятствовала смерть. Мистер Бингли хотел того же и даже подумывал, на каком графстве остановить свой выбор. Однако теперь, когда он получил в свое собственное распоряжение прекрасный дом вкуче с парком и прочим, многие из знавших беззаботность его натуры полагали, что он так и проживет в Недерфилде арендатором до конца своих дней, предоставив обрести собственное поместье следующему поколению.

Его сестрам не терпелось, чтобы он стал настоящим помещиком, но тем не менее мисс Бингли была отнюдь не прочь восседать во главе его стола в Недерфилде; да и миссис Хёрст, будучи замужем за человеком более светским, нежели богатым, склонялась к тому, чтобы считать дом брата своим домом, когда ей заблагорассудится.

Мистер Бингли достиг совершеннолетия всего за два года до того, как, последовав случайной рекомендации, отправился взглянуть на недерфилдский дом. Он взглянул на него, а затем на полчаса заглянул и внутрь. Ему понравились местоположение и парадные апартаменты; остальные достоинства дома, которые описал владелец, как будто не оставляли желать ничего лучшего, и он немедля его снял.

Дружба между ним и Дарси была очень искренней, несмотря на полное несходство их натур. Бингли завоевал расположение Дарси мягкостью, открытостью души и уступчивостью, хотя эти качества были совершенно чужды характеру последнего, в котором он сам, казалось, не находил никаких недостатков. Бингли твердо полагался на дружбу Дарси и был высочайшего мнения о его суждениях. Проницательностью Дарси далеко его превосходил. Бингли вовсе не был глуп, но Дарси обладал острым умом. Притом он был высокомерен, замкнут и очень разборчив. А его манеры, хотя вполне светские, отличались сухостью. И в этом его друг имел перед ним большое преимущество. Где бы Бингли ни появлялся, он незамедлительно располагал к себе всех присутствующих; Дарси же постоянно наступал кому-нибудь на ногу.

Полное представление об их несхожести дает то, как они отозвались о меритонской ассамблее. Бингли никогда в жизни не встречал более приятных людей и таких обворожительных барышень; к нему все были необыкновенно добры и внимательны; никакой холодной светскости и чопорности – он очень скоро уже чувствовал себя словно среди старых друзей. Ну, а что до мисс Беннет, так невозможно вообразить ангела прекраснее нее. Дарси же, напротив, увидел сборище ничем не примечательных провинциалов, совершенно чуждых истинным понятиям о красоте и хорошем тоне; он там ни к кому не испытал ни малейшего интереса, никто не заслужил его внимания, ничуть не развлек его. Мисс Беннет он признал миловидной – но она слишком уж часто улыбалась.

Миссис Хёрст и ее сестрица согласились с ним, но тем не менее она завоевала их расположение и продолжала им нравиться. Они сказали, что она, право же, душечка и они не прочь узнать ее поближе. А посему мисс Беннет осталась душечкой, и их брат счел, что это позволяет ему думать о ней так, как он пожелает.

Глава V

На весьма близком расстоянии от Лонгборна проживало семейство, с которым Беннеты поддерживали особенно тесное знакомство. В былые дни сэр Уильям Лукас вел торговые дела в Меритоне, нажил немалый капитал и удостоился чести быть пожалованным во дворянство после того, как, будучи мэром этого городка, обратился к королю с верноподданническим ходатайством. Быть

может, такое возвышение несколько вскружило ему голову. Оно пробудило в нем отвращение к торговле и к дому в скромном городке, где он тогда проживал. Покинув их, он поселился с семьей в усадьбе, примерно в миле от Меритона, которая с той поры обзавелась звучным наименованием «Лукас-Лодж». Там он мог без помех размышлять о важности своей персоны и, освободившись от дел, посвятить себя радушию и гостеприимству, ибо, как ни радовался он своему возвышению, оно не сделало его спесивым. Напротив, он со всеми был сама обходительность. Незлобивый, приветливый и услужливый по натуре, к этим качествам он после своего представления ко двору добавил еще и учтивость.

Леди Лукас была не слишком умной женщиной, совершенно такой, какую миссис Беннет могла бы пожелать себе в соседки.

Судьба наградила их детьми, и старшая дочь, умная и рассудительная девица лет двадцати семи, была задушевной подругой Элизабет.

Что барышням Лукас и барышням Беннет было необходимо незамедлительно встретиться и обменяться мнениями о бале, разумелось само собой, и утром после ассамблеи они первые поспешили в Лонгборн слушать и рассказывать.

– Шарлотта, ты прелестно открыла вечер, – сказала миссис Беннет с нарочитой любезностью. – Ведь мистер Бингли пригласил тебя самой первой!

– Да, но его второй выбор ему как будто понравился больше.

– А, полагаю, ты думаешь о Джейн, потому что он протанцевал с ней два раза. Да и правда, могло показаться, будто он ею восхищен; я даже почти уверена, что так оно и было... я что-то такое слышала... но, право, не совсем поняла... что-то о мистере Робинсоне.

– Вы не о том, что я расслышала, когда он разговаривал с мистером Робинсоном? Разве я вам про это не рассказала? Мистер Робинсон осведомился, как ему нравятся наши меритонские ассамблеи и не считает ли он, что в зале не перечесть красавиц, и какая кажется ему красивее всех прочих. А тот начал с ответа на последний вопрос: «О, бесспорно, старшая мисс Беннет, тут не может быть двух мнений».

– Только вообразите! Столь безоговорочно... право, кажется... но, впрочем, все это, знаете ли, может кончиться ничем.

– Я подслушивала куда с большим толком, чем ты, Элиза, – сказала Шарлотта. – Мистера Дарси в отличие от его друга и слушать не стоило, не так ли? Бедная Элиза! Быть признанной всего лишь недурной.

– Ах, не надо внушать Лиззи, будто его неучтивость стоит внимания. Он ведь такой неприятный человек, что понравиться ему было бы сущим несчастьем. Миссис Лонг сказала мне вчера, что он просидел рядом с ней полчаса и ни словечка не проронил.

– Вы уверены, маменька? Нет ли тут ошибки? – сказала Джейн. – Я точно видела, как мистер Дарси говорил с ней.

– Ну да, потому что она наконец спросила, как ему понравился Недерфилд, и не ответить он не мог. Но, по ее словам, он, казалось, был очень недоволен, что с ним заговорили.

– Мисс Бингли упомянула, что он молчалив, если только не в кругу близких друзей, а вот тогда он на редкость приятный собеседник.

– Не верю ни единому слову, душечка. Будь он таким, то побеседовал бы с миссис Лонг. Но я понимаю, в чем тут дело. Все говорят, что гордыня у него непомерная, и, сдается мне, он прослышал, что миссис Лонг не держит экипажа и на бал приехала на извозчике.

– Меня мало трогает, что он не пожелал разговаривать с миссис Лонг, – сказала миссис Лукас, – но я бы предпочла, чтобы он все-таки пригласил Элизу на танец.

– В другой раз, Лиззи, – сказала миссис Беннет, – я бы на твоём месте не стала танцевать с ним.

– Право, маменька, я могу смело пообещать вам, что никогда не буду танцевать с ним.

– В нем гордость, – сказала миссис Лукас, – мне менее неприятна, чем во многих других, так как ей есть извинение... Можно ли удивляться, что молодой человек со столькими достоинствами благородного происхождения, богатый, обласканный фортуной, будет о себе самого высокого мнения? Если позволительно сказать, так у него есть право быть гордым.

– Совершенно справедливо, – ответила Элизабет. – И я легко простила бы ему его гордость, если бы он не уязвил мою.

– Гордость, – объявила Мэри, весьма льстившая себе мыслью о здравости своих суждений, – мне кажется, весьма обычный недостаток. Все книги, которые я читала, убеждают меня в его общности, в том, что человеческая природа особенно склонна к нему и что лишь очень немногие из нас не испытывают самодовольства при мысли о том или ином своем достоинстве, действительном или воображаемом. Гордыня, она же тщеславие, и гордость – совершенно разные вещи, хотя эти слова часто употребляются как синонимы. Человек может быть гордым, но не тщеславным. Гордость более связана с тем, как мы ценим себя, тщеславие же – с тем, как, по нашему убеждению, нас должны ценить другие.

– Будь я таким богатым, как мистер Дарси, – воскликнул один из младших Лукасов, сопровождавший своих сестер, – мне было бы все равно, какой я гордый! Я бы держал свору гончих и выпивал по бутылке вина каждый день.

– И, значит, пил бы куда больше, чем следует, – сказала миссис Беннет. – И, попадись ты мне на глаза за бутылкой, я бы тотчас ее у тебя отобрала.

Мальчик возразил, она настаивала на своем, и спор их завершился только вместе с отъездом.

Глава VI

Обитательницы Лонгборна вскоре нанесли визит недерфилдским дамам. Ответный визит последовал по всем правилам. Милые манеры мисс Беннет все больше располагали к ней миссис Хёрст и мисс Бингли; и хотя маменька была

признана нестерпимой, а младшие сестры – недостойными внимания, двум старшим было выражено желание познакомиться с ними поближе. Джейн приняла такой знак предпочтения с величайшей радостью, но Элизабет по-прежнему замечала надменность в их обхождении со всеми – даже с ее сестрой, а потому они продолжали ей не нравиться. Впрочем, их любезность к Джейн, какова бы она ни была, все-таки имела цену, так как, по всей вероятности, ее порождало несомненное восхищение их брата. Оно явно бросалось в глаза всякий раз, когда они встречались, а Элизабет столь же ясно видела, что Джейн все больше отдается влечению сердца, которое пробудилось в ней с самого начала, и уже готова влюбиться в него без памяти. Однако она черпала спокойствие в уверенности, что никто другой этого не заметит, так как в Джейн сила характера сочеталась с безмятежностью души и веселостью, которые должны были надежно оградить ее от подозрений и назойливого любопытства. Она упомянула про это своей приятельнице мисс Лукас.

– Пожалуй, – ответила Шарлотта, – не так уж плохо в подобном случае обманывать свет, но иногда такая скрытность таит в себе угрозу. Если женщина прячет свою склонность столь же успешно и от предмета этой склонности, она может промедлить и не успеет привязать его к себе. А тогда сознавать, что и все окружающие равно остались в неведении, утешение довольно малое. Почти в каждом нежном чувстве столько благодарности или тщеславия, что небезопасно никак его не поощрять. Начинать мы все начинаем сами – легкое предпочтение вполне естественно. Но лишь у очень немногих из нас достает духа влюбиться по-настоящему, без поощрения. В девяти случаях из десяти женщине полезнее выказать склонность даже в большей мере, чем она ее чувствует. Бингли, бесспорно, очень нравится твоя сестра, но, возможно, если она ему не поможет, то дальше так и будет всего лишь ему нравиться.

– Но она же ему помогает, насколько позволяет ее характер. Раз уж я замечаю ее расположение к нему, так он должен быть поистине простаком, если не догадается о нем.

– Не забывай, Элиза, что ему характер Джейн известен гораздо меньше, чем тебе.

– Но если женщина питает склонность к мужчине и не старается это скрыть, он непременно должен что-то заметить.

– Да, должен, если видится с ней достаточно часто. Но Бингли и Джейн, хотя и встречаются не так уж редко, время вместе проводят недостаточно долгое. И притом в большом смешанном обществе. Им невозможно посвящать друг другу каждую минуту. А потому Джейн должна всячески использовать те полчаса, которые проводит с ним. Вот когда она прочно привяжет его к себе, у нее будет достаточно времени влюбиться в него так сильно, как она пожелает.

– Твой план хорош, – ответила Элизабет, – для тех случаев, когда речь идет только о стремлении выйти замуж, и если бы я решила заручиться богатым мужем или вообще мужем, то, полагаю, последовала бы ему. Но Джейн чувствует совсем другое. Она ничего не рассчитывает наперед. Пока она еще не уверена ни в степени собственной склонности, ни в ее разумности. Они знакомы всего полмесяца. Она протанцевала с ним четыре раза в Меритоне, один раз виделась с ним утром у него дома, а затем четыре раза обедала за одним столом с ним. Это маловато, чтобы успеть постигнуть его характер.

– Разумеется, будь все так, как ты говоришь. Если бы она просто обедала с ним за одним столом, то могла бы лишь узнать, насколько хорош его аппетит, но не забудь: это ведь означает и проведенные вместе четыре вечера, а за четыре вечера может произойти очень многое.

– О да! Эти четыре вечера помогли им убедиться, что игру в «двадцать одно» они оба предпочитают «коммерции», но вряд ли им открылось нечто более существенное.

– Что же, – сказала Шарлотта, – я от всего сердца желаю Джейн успеха; и, если бы она вышла за него замуж завтра, на мой взгляд, надежды обрести счастье у нее было бы ничуть не меньше, посвети она год изучению его характера. Счастье в браке всегда игра случая. Как бы хорошо жених и невеста ни знали характеры друг друга, как бы ни схожи были их наклонности, это ничуть не поспособствует счастью их супружества. Ведь затем их характеры меняются, и им выпадает своя доля домашних неурядиц. И куда лучше как можно меньше знать заранее о недостатках того, с кем тебе предстоит провести жизнь.

– Ты меня рассмешила, Шарлотта, все это вздор, ты знаешь, что это вздор, и сама так ни за что не поступишь.

Занятая наблюдениями за поведением мистера Бингли с ее сестрой, Элизабет даже не заподозрила, что обретает некоторую интересность в глазах его друга. Мистер Дарси вначале отказывал ей в милости; на балу он оглядел ее без малейшего восхищения, а при следующей их встрече смотрел на нее, только чтобы критиковать. Однако, едва он доказал себе и своим друзьям, что в ее лице не отыскать ни единой хотя бы сносной черты, как вдруг начал убеждаться, что чудное выражение ее темных глаз делает это лицо на редкость умным. Вслед за тем последовали и другие открытия, явно уязвлявшие его самоуверенность.

Хотя его критический взор подмечал не один изъян, нарушающий идеальную симметрию ее фигуры, он был вынужден признать ее стройной и приятной для глаз. И хотя он объявил ее манеры совсем не светскими, его обворожила их естественность и живость. Она же, ни о чем не догадываясь, и для нее он оставался человеком, который не трудился быть любезным ни с кем и кто не считал ее достаточно красивой, чтобы танцевать с ней.

А ему уже хотелось узнать ее поближе. И в намерении завести с ней разговор он начал прислушиваться к ее разговорам с другими, что наконец и привлекло ее внимание. Случилось это в доме сэра Уильяма Лукаса, где собралось большое общество.

– С какой стати, – сказала она Шарлотте, – мистер Дарси прислушивался к тому, о чем я говорила с полковником Фостером?

– На этот вопрос может ответить только сам мистер Дарси.

– Но если он снова позволит себе подобное, я непременно покажу ему, что все вижу. У него такой саркастический взгляд, что я, если не позволю себе какой-нибудь дерзости, начну его бояться.

Вскоре после этого он направился в их сторону, хотя как будто без намерения начать разговор, и мисс Лукас заметила своей подруге, что та никогда ни на что подобное не решится, чем лишь подстрекнула ее. Обернувшись к нему, Элизабет сказала:

– Не кажется ли вам, мистер Дарси, что я минуту назад с большой убедительностью упрашивала полковника Фостера дать для нас бал в Меритоне?

– С большим пылом. Обычным для прекрасного пола, стоит речи зайти о балах.

– Вы так строги к нам!

– Сейчас настанет ее черед подвергнуться упрашиваниям, – сказала мисс Лукас. – Я намерена открыть фортепьяно, а ты знаешь, Элиза, к чему это приведет.

– Ну что ты за подруга! Всегда хочешь, чтобы я играла и пела всем и каждому! Если бы мое тщеславие влекло меня к музыке, тебе цены не было бы, однако я предпочла бы не садиться за инструмент в присутствии тех, кто, без сомнения, привык слушать лишь самую лучшую игру, самое лучшее пение.

Однако мисс Лукас настаивала, и Элизабет наконец ответила:

– Ну хорошо, пусть будет по-твоему. – И, обратив серьезнейший взгляд на мистера Дарси, она добавила: – Есть прекрасное старинное присловье, разумеется, известное всем присутствующим: придержи дыхание, чтобы было чем остудить кашу. Вот и я придержу свое, чтобы романс прозвучал лучше.

Играла и пела она недурно, хотя отнюдь не превосходно. Когда она допела второй романс, то даже не успела ответить на просьбы некоторых гостей спеть еще, как ее сестра Мэри поспешила сама сесть за фортепьяно. Мэри была единственной дурнушкой среди своих сестер, а потому не только читала серьезные книги, но столь же усердно занималась рисованием и музыкой и всегда с нетерпением ждала возможности показать себя.

Однако Мэри не обладала ни большим талантом, ни вкусом, и хотя тщеславие рождало в ней усердие, ему сопутствовали педантичность и самодовольство, которые испортили бы впечатление и от куда более искусной игры. Элизабет, чуждая претензий и нарочитости, доставила своим слушателям гораздо больше удовольствия, хотя играла и вполнину не так умело. А Мэри после завершения очень длинного концерта была рада снискать похвалы и благодарность, заиграв шотландские и ирландские мелодии по просьбе своих младших сестер, которые вместе со старшими Лукасами и двумя-тремя офицерами устроили танцы в одном конце залы.

Мистер Дарси стоял неподалеку от них, молча негодуя на подобную манеру скоротать вечер, которая препятствовала разговорам, и был так погружен в свои мысли, что заметил рядом с собой сэра Уильяма Лукаса только тогда, когда сэр Лукас заговорил:

– Какое приятное развлечение для молодежи, мистер Дарси! Все-таки ничто с танцами не сравнится. Я полагаю их первым украшением самого полированного общества.

– Бесспорно, сударь, и у них есть еще то преимущество, что они в моде и не в столь полированных обществах: каждый дикарь способен плясать.

Сэр Уильям лишь улыбнулся.

– Ваш друг танцует восхитительно, – продолжал он после паузы, увидев, что мистер Бингли вступил в круг танцующих. – И полагаю, вы сами искусны в этой науке, мистер Дарси.

– Мне кажется, сударь, вы видели, как я танцевал в Меритоне.

– Как же! И, глядя на вас, получил истинное удовольствие. Вы часто танцуете на придворных балах?

– Никогда, сударь.

– А вы не думаете оказать честь этой зале?

– Эту честь я, насколько это зависит от меня, ни одной зале не оказываю.

– Полагаю, у вас есть дом в столице?

Мистер Дарси кивнул.

– Я прежде тоже подумывал поселиться в столице. Люблю бывать в высшем обществе, да только меня одолели опасения, как бы лондонский воздух не повредил леди Лукас.

Он умолк в ожидании ответа, но его собеседник был не расположен поддерживать разговор, и тут, заметив, что Элизабет направилась в их сторону, сэр Уильям возгорелся желанием оказать ей галантную услугу и окликнул ее:

– Дражайшая мисс Элиза, почему вы не танцуете? Мистер Дарси, вы должны разрешить мне представить вам эту барышню как наилучшую даму, какую вы только могли бы пригласить на танец. Право, вы не можете отказаться танцевать, когда видите перед собой такую красоту! – И, взяв руку Элизабет, он протянул ее мистеру Дарси, который, хотя и безмерно удивился, был отнюдь не прочь принять ее, но Элизабет тотчас отступила, сказав сэру Уильяму в некотором смятении:

– Право, сударь, я вовсе не хочу танцевать. Прошу вас, не думайте, будто я искала кавалера.

Мистер Дарси по всем правилам хорошего тона попросил оказать ему честь и пройти с ним в танце, но тщетно. Элизабет была тверда, и никакие уговоры сэра Уильяма не смогли поколебать ее решимости.

– Вы так превосходно танцуете, мисс Элиза, что с вашей стороны жестоко лишать меня удовольствия полюбоваться вами. И хотя сей джентльмен пренебрегает этим развлечением, полагаю, он уважит вас на полчаса.

– Мистер Дарси – сама учтивость, – сказала Элизабет с улыбкой.

– Поистине! Но соблазн так велик, дражайшая мисс Элиза, что нам не следует дивиться его уступчивости. Ну кто бы устоял и не ангажировал столь неотразимую даму?

Элизабет лукаво улыбнулась и отошла от них. Ее отказ отнюдь не уронил ее во мнении мистера Дарси, и он думал о ней не без восхищения, когда к нему подошла мисс Бингли.

– Догадываюсь, чем заняты ваши мысли!

– Не думаю.

– Вы размышляете, как нестерпимо было бы проводить вечер за вечером подобным образом – в подобном обществе. И я совершенно согласна с вами. Ничего утомительнее мне испытывать не доводилось. Несносная скука – и столько шума! Ничтожность – и такое высокое мнение о себе у всех этих людей! Чего бы я ни дала, чтобы послушать, как вы их аттестуете!

– Ваша догадка совершенно неверна, уверяю вас. Я предавался мыслям о том, каким восторгом может одарить пара прекрасных глаз на обворожительном женском лице.

Мисс Бингли немедленно устремила свои глаза на его лицо и пожелала узнать, какая девица или дама имела честь навести его на подобные мысли.

Мистер Дарси ответил с величайшим бесстрашием:

– Мисс Элизабет Беннет.

– Мисс Элизабет Беннет! – повторила мисс Бингли. – Я в изумлении. Давно ли она в таком фаворе у вас? И когда, скажите, мне вас поздравить?

– Этого вопроса я от вас и ожидал. Женское воображение столь торопливо! Оно в единый миг перепархивает от похвалы к любви, от любви к браку. Я знал, что вы поспешите меня поздравить.

– Право, если вы столь серьезны, я сочту, что дело решено. Вы обзаведетесь поистине очаровательнейшей тещей, и она, разумеется, будет безвыездно гостить в Пемберли.

Он с полнейшим равнодушием слушал, как она забавлялась подобными предположениями. Его невозмутимость убедила ее, что ничего опасаться не нужно, и она дала волю своему остроумию.

Состояние мистера Беннета ограничивалось почти лишь поместьем, приносившим две тысячи в год, и, к несчастью для его дочерей, оно было майоратом, так что из-за отсутствия прямого наследника мужского пола ему предстояло отойти к дальнему родственнику их отца. Состояние же их матери, хотя и вполне достаточное для нее в нынешнем ее положении, никак не могло заменить утрату поместья. Ее отец был стряпчим в Меритоне и оставил ей четыре тысячи фунтов.

У нее была сестра, которая вышла за некоего мистера Филипса, клерка их отца, который стал его преемником; а еще брат, почтенный лондонский торговец.

Деревня Лонгборн находилась всего в миле от Меритона. Весьма удобное расстояние для барышень, которые обычно три-четыре раза в неделю отправлялись туда посетить тетушку, а также модистку по ту сторону улицы. Две младшие, Кэтрин и Лидия, особенно часто оказывали тетушке этот знак внимания. Они были гораздо ветренее своих старших сестер, и когда не находили лучшего развлечения, то коротали утренние часы прогулкой в Меритон, набираясь пищи для вечерней болтовни. Ведь как ни скудны новостями были городок и его окрестности, барышни всегда хоть что-нибудь да узнавали от тетушки. Теперь же у них не было недостатка ни в новостях, ни в радостных предвкушениях – недавно под Меритон прибыл полк, чтобы оставаться там до конца зимы, а офицеры поселились в Меритоне.

Теперь посещения миссис Филипс вознаграждались изобилием всяческих любопытнейших сведений. Каждый день они узнавали про офицеров все больше – их фамилии, их родственные связи. Квартиры их также недолго оставались тайной, а затем они начали знакомиться и с ними самими. Мистер Филипс объехал с визитами их всех, тем самым открыв для племянниц источник радостей, прежде им неведомых. Теперь ни о чем, кроме офицеров, они не говорили, и огромное состояние мистера Бингли, упоминание о котором так воодушевляло их маменьку, казалось им ничем в сравнении с парадным мундиром прапорщика.

Однажды утром, наслушавшись их восторгов, мистер Беннет хладнокровно заметил:

– Судя по тому, что вы говорите, пожалуй, во всей стране не найдется двух других таких дурочек. Я всегда это подозревал, но теперь окончательно убедился.

Кэтрин смутилась и ничего не ответила, но Лидия как ни в чем не бывало продолжала перевозносить капитана Картера и выражать надежду, что увидит его сегодня, так как завтра утром он уедет в Лондон.

– Я удивлена, мой друг, – сказала миссис Беннет, – что вы с такой легкостью готовы считать своих дочерей глупыми. Если бы мне захотелось выбрать чьего-то ребенка, своего я для этого не выбрала бы.

– Если мои дети глупы, надеюсь, я никогда не стану закрывать глаза на это.

– Разумеется, да только все они у нас умницы.

– Лыщу себя мыслью, что это единственный случай, когда наши мнения расходятся. Я всегда уповал, что мы едины во всех мыслях, но в этом вопросе позволю себе не согласиться с вами и считать наших двух младших дочерей на редкость глупыми.

– Любезнейший мистер Беннет, вам не следует требовать от наших девочек разумности их отца и матери. Когда они достигнут нашего возраста, смею сказать, они будут думать об офицерах не лучше, чем мы. Помню время, когда и мне красные мундиры очень нравились, да и теперь они сохраняют местечко в моем сердце; и если бы ловкий молодой полковник с пятью-шестью тысячами годового дохода попросил бы руки одной из моих дочек, я бы не сказала ему «нет». В тот вечер у сэра Уильяма я как раз подумала, что полковник Фостер в парадном мундире выглядит очень авантажно.

– Маменька! – воскликнула Лидия. – Тетенька говорит, что полковник Фостер и капитан Картер бывают у мисс Уотсон не так часто, как прежде, когда только приехали. Теперь она чаще видит их в библиотеке Кларка.

Ответить миссис Беннет не успела, потому что вошел лакей с запиской для мисс Беннет. Ее прислали из Недерфилда, и слуге было велено подождать ответа. Миссис Беннет просияла от радости и засыпала дочь вопросами, пока та еще читала записку.

– Джейн, от кого она? О чем? Что он пишет? Ах, Джейн, поторопись и расскажи нам. Не медли так, душенька.

- От мисс Бингли, - ответила Джейн и прочла записку вслух.

«Милый друг!

Если в вас не найдется капли сострадания и вы не отобедаете сегодня с Луизой и со мной, нам будет грозить опасность возненавидеть друг дружку до конца наших дней. Ведь целый день тет-а-тет двух женщин не может завершиться без ссоры. Приезжайте как можно быстрее по получении этой записки. Мой брат и его друзья приглашены на обед к офицерам.

Навеки ваша Каролина Бингли».

- С офицерами! - вскричала Лидия. - Не понимаю, как тетушка нам ничего про это не сказала!

- Приглашены на обед! - повторила миссис Беннет. - Какая жалость!

- Могу я взять карету? - спросила Джейн.

- Нет, душенька. Лучше поезжай верхом, потому что собирается дождь, и тогда тебя пригласят переночевать.

- План недурен, - заметила Элизабет, - если только вы уверены, что они не предложат ей свой экипаж.

- О! Но джентльмены поедут в Меритон в коляске мистера Бингли, а у Хёрстов там своих упряжных лошадей нет.

- Но я предпочла бы поехать в карете.

- Ах, душенька, у твоего отца нет для нее лошадей. Они все нужны на ферме. Мистер Беннет, не правда ли?

- На ферме они нужны гораздо чаще, чем мне удастся их получить.

– Но если вы их получите сегодня, – сказала Элизабет, – маменькина цель будет достигнута.

Ей удалось-таки добиться от отца подтверждения, что лошади заняты на ферме, а потому Джейн пришлось отправиться в Недерфилд верхом, и маменька проводила ее до дверей со многими радостными предсказаниями дурной погоды. Ее упования сбылись; не успела Джейн уехать, как зарядил дождь. Сестры беспокоились за нее, но маменька ликовала. Дождь лил весь вечер не переставая. Разумеется, Джейн не могла вернуться домой.

– Поистине, это была счастливая мысль! – повторяла миссис Беннет так, будто дождь был делом ее рук. Однако до следующего утра она и не подозревала, насколько удачной оказалась ее уловка. Едва они кончили завтракать, как слуга из Недерфилда привез Элизабет следующую записку:

«Лиззи, миленькая!

Нынче утром я почувствовала себя плохо, наверное, потому, что вчера промокла насквозь. Мои добрые хозяйки и слушать не хотят о том, чтобы я уехала домой, пока не оправлюсь. Кроме того, они настояли, чтобы меня осмотрел мистер Джонс, а потому не тревожьтесь, если услышите, что он посетил меня. Да и я почти здорова, только горло и голова побаливают.

Твоя и т. д.».

– Что же, душа моя, – сказал мистер Беннет, когда Элизабет прочла записку вслух, – если ваша дочь опасно заболит, если она умрет, каким утешением послужит мысль, что произошло это в погоне за мистером Бингли и по вашим указаниям.

– О, я ничуть не боюсь, что она умрет. От пустячной простуды еще никто не умирал. За ней будут хорошо ухаживать. И пока она будет оставаться там, ничего лучшего и пожелать нельзя. Я бы поехала повидать ее, если бы могла взять карету.

Элизабет, искренне встревоженная, решила отправиться в Недерфилд, хотя свободных лошадей не оказалось. Верхом она ездила плохо, а потому у нее не оставалось иного выбора, как пойти пешком. Она объявила о своем намерении.

– Как ты могла додуматься до подобной глупости? – вскричала ее мать. – Пешком по такой грязи! Когда ты туда доберешься, тебе нельзя будет показаться на людях!

– Но я смогу показаться Джейн, а больше мне ничего не нужно.

– Это намек мне, Лиззи, чтобы я послал за лошадьми? – спросил ее отец.

– Нет-нет. Я вовсе не боюсь пройти пешком. Расстояние – пустяк, если есть важная причина. Всего три мили! Я вернусь к обеду.

– Меня восхищает твоя деятельная благожелательность, – сказала Мэри. – Но каждый порыв чувств должен подчиняться разуму, и, по моему мнению, усилия всегда должны быть пропорциональны тому, для чего они требуются.

– Мы пойдем с тобой до Меритона, – сказали Кэтрин и Лидия.

Элизабет согласилась, и три барышни отправились в путь.

– Если мы поторопимся, – заметила Лидия, когда они вышли на дорогу, – то, быть может, успеем увидеть капитана Картера до того, как он уедет.

В Меритоне они расстались. Младшие направились к дому, где проживала одна из офицерских жен, а Элизабет пошла дальше одна быстрым шагом, минуя луг за лугом, одолевая перелазы, перепрыгивая лужи с нетерпеливой живостью, и в конце концов увидела недерфилдский дом. Ноги у нее ныли, чулки запачкались, лицо разругалось – так разгорячила ее пешая прогулка.

Ее проводили в малую столовую, где завтракали все, кроме Джейн, и где ее появление вызвало большое изумление. Пройти три мили столь рано в такое ненастье и совсем одной? Миссис Хёрст с мисс Бингли отказывались этому поверить, и Элизабет не сомневалась, что они осуждали ее за такое нарушение приличий. Однако приняли они ее очень любезно. А в том, как с ней

поздоровался их брат, было нечто большее, чем простая любезность, приветливость и радушие. Мистер Дарси сказал очень мало, а мистер Хёрст и совсем ничего. Первый и восхищался свежим румянцем, игравшим на ее щеках после долгой ходьбы, и сомневался, что предполагаемая причина – достаточное оправдание для того, чтобы проделать подобный путь одной. Второй не думал ни о чем, кроме завтрака.

Она осведомилась, как чувствует себя ее сестра, и ответ был не очень утешительный. Мисс Беннет провела беспокойную ночь, у нее небольшой жар, и, хотя она оделась, ей так нездоровится, что она не смогла спуститься к завтраку. К радости Элизабет, ее без промедлений проводили к сестре, и Джейн, которой лишь опасения внушить тревогу или причинить хлопоты помешали выразить в записке, как ей бы хотелось увидеть сестру, чрезвычайно ей обрадовалась. Однако говорить ей было трудно, и, когда мисс Бингли оставила их вдвоем, она ограничилась лишь словами благодарности за доброту и заботливость, какими ее окружили. Элизабет ухаживала за ней, храня молчание.

Завтрак кончился, сестры поднялись к ним, и Элизабет почувствовала, что они начинают нравиться и ей, так ласковы и внимательны они были к Джейн. Приехал аптекарь и, осмотрев больную, объявил, как и можно было ожидать, что она очень сильно простудилась и следует принять надлежащие меры. Рекомендовал ей лечь в постель и обещал прислать микстуры. Джейн охотно последовала его совету, потому что жар усилился и голова у нее разболелась еще сильнее. Элизабет ни на минуту не покидала ее комнаты, да и мисс Бингли с миссис Хёрст выходили лишь ненадолго. Собственно, джентльмены уехали, и им некуда было девать себя.

Когда часы пробили три, Элизабет почувствовала, что ей пора возвращаться домой, и с большой неохотой сказала об этом. Мисс Бингли предложила заложить для нее карету, и понадобилось совсем мало настойчивости, чтобы она согласилась. Однако Джейн очень расстроилась при мысли о разлуке с сестрой, так что мисс Бингли ничего не оставалось, как взять назад предложение кареты и пригласить ее пока остаться в Недерфилде. Элизабет с большой благодарностью приняла это приглашение, и в Лонгборн был отправлен слуга сообщить ее родителям о сложившихся обстоятельствах и привезти ей необходимую одежду.

Глава VIII

В пять часов мисс Бингли и миссис Хёрст удалились переодеться, а в половине седьмого Элизабет позвали обедать. На вежливые расспросы, которыми ее засыпали и среди которых она с радостью заметила искренность тревоги мистера Бингли, ничего особенно утешительного она ответить не могла. Джейн нисколько не стало лучше. Услышав это, сестрицы мистера Бингли три или четыре раза повторили, как они расстроены, как огорчительно столь сильно простудиться и как сами они терпеть не могут хворать; после чего больная была забыта. Эта безразличность к Джейн, едва за ними закрылась дверь, позволила Элизабет вновь наслаждаться своей прежней антипатией к ним.

Среди общества за столом только их брат не вызывал в ней неприязни. Он, несомненно, очень тревожился за Джейн, а его внимание к ней самой было самым лестным, и лишь оно мешало ей почувствовать себя непрошеной гостьей, какой, она не сомневалась, ее считали все остальные. Кроме него, никто ее, казалось, не замечал. Мисс Бингли была всецело занята мистером Дарси, как, впрочем, и ее сестра, а что до мистера Хёрста, чьей соседкой она оказалась, он был ленивым человеком, жившим лишь для того, чтобы есть, пить и играть в карты; когда он обнаружил, что Элизабет простой ростбиф предпочла фрикасе, ему с ней разговаривать больше было не о чем.

После обеда она тотчас поднялась к Джейн, и мисс Бингли без промедления принялась ее критиковать. Ее манеры были объявлены никуда не годными, смесью высокомерия и наглости; ни умения поддерживать беседу, ни элегантности, ни вкуса, ни красоты. Миссис Хёрст во всем поддержала сестру и добавила:

– Короче говоря, в ней нет никаких достоинств, кроме того, что пешком она ходит бесподобно. Никогда не забуду, как она появилась тут нынче утром. Выглядела она почти неприлично.

– О да, Луиза! Я лишь с трудом сумела удержаться от смеха. И какой вздор вообще являться сюда! С какой стати должна она бегать по лугам, если ее сестра простудилась? И ее волосы, такие растрепанные, такие спутанные!

– Да, а ее юбка? Ты ведь видела, что ее юбка была вся в грязи на целых шесть дюймов, не иначе. А верхнее платье выпущено, чтобы прикрывать ее, но без

пользы.

– Этот портрет, Луиза, быть может, очень верен, – сказал мистер Бингли, – но ничего подобного я не заметил. Когда мисс Элизабет Беннет утром вошла сюда, мне она показалась очаровательной. А забрызганная юбка ускользнула от моего внимания.

– Но, разумеется, не от вашего, мистер Дарси, – сказала мисс Бингли. – И не сомневаюсь, вы не пожелали бы, чтобы ваша сестрица так себя аттестовала!

– Бесспорно.

– Пройти три мили, или четыре, или пять, или сколько их там по щиколотку в грязи, и одной, совсем одной! Да как она решилась? Право, это свидетельствует о самом своевольном сумасбродстве, о провинциальном пренебрежении приличиями.

– Это свидетельствует о ее любви к сестре и заслуживает всех похвал, – сказал Бингли.

– Боюсь, мистер Дарси, – заметила мисс Бингли, понизив голос, – эта эскапада несколько угасила ваше восхищение ее прекрасными глазами.

– Отнюдь, – ответил он, – прогулка придала им новый блеск.

Последовала некоторая пауза, а затем миссис Хёрст снова начала:

– Я весьма расположена к Джейн Беннет, она премилая девушка, и я от всего сердца желаю ей хорошей партии. Но, боюсь, такой отец с такой матерью и такое вульгарное родство не оставляют на это никакой надежды.

– Мне кажется, я слышал, как вы говорили, что ее дядя – стряпчий в Меритоне?

– Да, а другой их дядюшка живет где-то около Чипсайда.

– Бесподобно! – добавила ее сестрица, и обе засмеялись.

– Да будь у них столько дядюшек, что хватило бы заселить весь Чипсайд, – вскричал Бингли, – это ни на йоту не сделало бы их менее обворожительными!

– Однако это должно очень заметно снизить их шансы на женихов, занимающих положение в свете, – ответил Дарси.

Бингли промолчал, но его сестрицы от души согласились и еще некоторое время отпускали насмешки по адресу вульгарных родственников своей дражайшей подруги.

Однако, покинув столовую, они в новом припадке нежности поднялись в ее комнату и сидели с ней, пока им не доложили, что кофе подан. Джейн все еще очень нездоровилось, и Элизабет ни на минуту ее не покидала. Лишь поздно вечером, когда вид спокойно уснувшей сестры ее несколько утешил, она подумала, что, как это ни неприятно, ей все-таки следует спуститься вниз. Войдя в гостиную, она застала все общество за карточным столом и тут же была приглашена присоединиться к ним. Но, подозревая, что играют они по-крупному, она отказалась и, сославшись на сестру, объяснила, что недолгое время, которое может провести внизу, она скоротает за книгой. Мистер Хёрст взглянул на нее с изумлением.

– Вы предпочитаете картам чтение? – сказал он. – Как странно!

– Мисс Элиза Беннет, – заметила мисс Бингли, – презирает карты. Она великая любительница чтения и ни в чем другом удовольствия не находит.

– Я не заслужила ни такой похвалы, ни такого порицания! – воскликнула Элизабет. – Я не такая уж великая любительница чтения и нахожу удовольствие во многом другом.

– Ухаживая за вашей сестрицей, я полагаю, вы находите истинную радость, – сказал Бингли, – и от души надеюсь, эта радость станет еще сильнее, когда вы увидите ее совсем здоровой.

Элизабет поблагодарила его от всей души, а затем отошла к столику, на котором лежало несколько книг. И он тотчас предложил принести ей еще и другие; вся его библиотека в ее распоряжении.

– И я бы желал, чтобы она была гораздо полнее. Ради вас и к моей собственной чести; но я по натуре бездельник, и, хотя книг у меня не так уж много, их больше, чем я брал когда-нибудь в руки.

Элизабет заверила его, что ей достаточно и этих.

– Я удивлена, – сказала мисс Бингли, – что мой отец собрал столь мало книг. Какая чудесная библиотека у вас в Пемберли, мистер Дарси!

– Да, ей трудно не быть хорошей, – ответил он, – ведь она – плод стараний многих поколений.

– И вы сами так ее пополнили! Вы же всегда покупаете книги.

– Не понимаю, как можно пренебрегать фамильной библиотекой в наши дни.

– Пренебрегать! Не могу вообразить, чтобы вы пренебрегли хоть чем-то, что может еще более украсить ваше великолепное имение. Чарльз, когда ты будешь строить свой дом, как бы я желала, чтобы он хоть в половину был так восхитителен, как Пемберли.

– Я бы тоже этого желал.

– Однако я тебе настоятельно советую приобрести поместье в тех краях и взять Пемберли за образец. В Англии нет графства лучше Дербишира.

– С превеликой радостью. Я бы просто купил Пемберли, согласись Дарси его продать!

– Я говорю о том, что достижимо, Чарльз.

– По чести, Каролина, я бы сказал, что купить Пемберли более достижимо, чем создать его подобие.

Этот разговор так заинтересовал Элизабет, что она не могла сосредоточиться на чтении и вскоре, отложив книгу, направилась к карточному столу, где расположилась между мистером Бингли и миссис Хёрст, следя за игрой.

– На много ли мисс Дарси подросла с весны? – спросила мисс Бингли. – Она обещает быть высокой, как я?

– Думаю, да. Пока она одного роста с мисс Элизабет Беннет или даже чуть выше.

– Как я жажду вновь ее увидеть! Я не встречала никого, кто восхищал бы меня больше. Как она пленительна! Какие манеры! И как для своего возраста она блещет во всех занятиях, украшающих девицу. На фортепьяно она играет просто бесподобно.

– Меня изумляет, – сказал Бингли, – как у благовоспитанных барышень достает терпения так блистать в своих занятиях, как все они блистают!

– Все барышни блистают? Милый Чарльз, о чем ты?

– Да, по-моему, все без исключения. Все они рисуют, обтягивают шелком и расписывают экраны, плетут кошелечки. Не знаю ни единой, которая бы всего этого не умела; и, право, не упомяну случая, когда, упомянув про барышню в первый раз, тут же не добавили бы, что она блещет во всех подобающих занятиях.

– Твой список их обычных занятий, – сказал Дарси, – близок к истине. Слово «блистают» употребляется по отношению ко многим женщинам, способным сплести кошелечек или обтянуть экран, но я никак не могу согласиться с тобой в твоей общей оценке. Среди всех моих знакомых дам и девиц я не насчитаю и полдюжины истинно блещущих чем-либо.

– И я тоже, – заметила мисс Бингли.

– В таком случае, – сказала Элизабет, – вы должны быть очень взыскательны в своем представлении об истинных женских дарованиях.

– Да, я взыскателен.

– О, разумеется, – вскричала его верная помощница, – никто не может считаться истинно одаренным, если не превосходит намного то, что мы обычно видим вокруг! Женщина, чтобы удостоиться такой похвалы, должна в совершенстве

играть на музыкальных инструментах, петь, рисовать, танцевать и знать современные языки. Сверх этого она должна иметь нечто особенное в своей осанке, походке, тоне голоса, манерах и речи, иначе такой комплимент будет вполнину незаслуженным.

– Да, она должна обладать всем этим, – согласился Дарси, – но вдобавок ей следует пополнять свое образование, много читая.

– Меня более не удивляет, что вы знакомы всего лишь с шестью женщинами, истинно блестящими своими дарованиями. Не понимаю только, как вообще вы знакомы хотя бы с одной такой.

– Вы так строги к собственному полу, что сомневаетесь даже в возможности этого?

– Просто я никогда не видела подобной женщины. Я никогда не видела, чтобы дарования, и вкус, и элегантность, какие вы описали, объединялись бы в одной женщине.

Миссис Хёрст и мисс Бингли в один голос восстали против несправедливости ее сомнений и наперебой принялись утверждать, что знакомы со многими женщинами, отвечающими этому описанию. Но тут мистер Хёрст заставил их умолкнуть, разразившись негодующими жалобами на их невнимание к игре. Разговор не продолжался, и Элизабет вскоре покинула гостиную.

– Элиза Беннет, – сказала мисс Бингли, едва дверь за ней закрылась, – принадлежит к тем девицам, которые тщатся зарекомендовать себя сильному полу, критикуя свой собственный. Многих мужчин, полагаю, это обольщает, но, на мой взгляд, это жалкая уловка, даже низость.

– Без сомнения, – ответил Дарси, к кому главным образом были обращены ее слова, – искусные ухищрения, до которых порой снисходят представительницы прекрасного пола, желая пленять, такие же уловки. Все, что родственно хитрости, заслуживает презрения.

Подобный ответ пришелся мисс Бингли не вполне по вкусу, и она оставила эту тему.

Элизабет вновь присоединилась к ним, но лишь сказать, что Джейн стало хуже и она не может ее оставить. Бингли хотел не медля отправить слугу за мистером Джонсом, а его сестрицы, в убеждении, что в провинции лечить не умеют, настаивали послать в Лондон за самым именитым врачом. Об этом Элизабет и слушать не пожелала, но не стала отказываться от предложения их брата. В конце концов было решено, что за мистером Джонсом пошлют рано утром, если мисс Беннет не полегчает. Мистер Бингли был в полном расстройстве, его сестрицы объявили, что совершенно удручены. Однако они развеяли свою печаль, распевая дуэты после ужина, а он нашел лишь слабое утешение в том, что отдал распоряжения экономке окружить больную барышню и ее сестру всевозможными заботами.

Глава IX

Большую часть ночи Элизабет провела с сестрой и утром, к своей радости, могла дать обнадеживающий ответ на вопрос мистера Бингли, который очень рано передала ей горничная, а позднее и двум элегантным дамам – камеристкам его сестриц. Тем не менее она выразила желание, чтобы в Лонгборн отправили слугу с запиской от нее с просьбой, чтобы их мать приехала навестить Джейн и составила собственное мнение о ее недуге. Записка была тотчас отослана, а содержащаяся в ней просьба выполнена не менее быстро. Миссис Беннет в сопровождении двух младших дочерей прикатила в Недерфилд, когда там только-только кончили завтракать.

Если бы миссис Беннет нашла Джейн тяжело больной, она очень расстроилась бы; однако, вскоре убедившись, что недуг ее дочери не опасен, маменька не пожелала ей скорейшего выздоровления, так как, поправившись, она, весьма вероятно, должна была бы незамедлительно покинуть Недерфилд. Поэтому миссис Беннет и слушать не захотела, когда Джейн попросила увезти ее домой; и аптекарь, приехавший почти в одно время с миссис Беннет, также не почел это разумным. Маменька немного посидела с Джейн, а затем появилась мисс Бингли, и по ее приглашению она с тремя дочерьми спустилась в малую столовую. Едва они вошли, как мистер Бингли выразил надежду, что миссис Беннет нашла Джейн гораздо лучше, чем опасалась.

– Напротив, сударь, – последовал ответ. – Ей так плохо, что ее нельзя увезти домой. Мистер Джонс говорит, что мы ни в коем случае не должны ее перевозить. Так что нам придется еще немного злоупотреблять вашей добротой.

– Перевозить! – воскликнул Бингли. – Да ни в коем случае! Я знаю, моя сестра и думать об этом не позволит.

– Вы можете быть уверены, сударыня, – с холодной вежливостью сказала мисс Бингли, – что за мисс Беннет, пока она остается у нас, будут ухаживать со всем вниманием.

Миссис Беннет рассыпалась в благодарностях.

– Право, не знаю, – добавила она, – что с ней случилось бы без таких добрых друзей, она ведь совсем занемогла и очень страдает, хотя, как всегда, с величайшей терпеливостью, потому что более кроткого характера и вообразить невозможно. Я часто повторяю остальным моим девочкам, что им с ней не сравниться. Какая миленькая комната, мистер Бингли, и такой бесподобный вид на подъездную аллею. Не знаю в наших краях ни одного места, какое превосходило бы Недерфилд. Надеюсь, вы не поторопитесь с ним расстаться, хотя и взяли аренду на такой короткий срок.

– Я все делаю второпях, – ответил он. – И потому если я решу покинуть Недерфилд, то, наверное, соберусь за пять минут. Однако пока я полагаю, что устроился тут надолго.

– Именно этого я от вас и ожидала, – заметила Элизабет.

– Вы начинаете меня понимать! – воскликнул он, оборачиваясь к ней.

– О да, я вас понимаю в совершенстве.

– Хотел бы я истолковать это как комплимент, но, боюсь, довольно грустно, когда тебя видят насквозь.

– Как сказать. Ведь отсюда не следует, что сложный, глубокий характер достоин большего или меньшего уважения, чем ваш.

– Лиззи! – вскричала ее маменька. – Помни, где ты, и не говори вздора, пусть дома мы его и терпим.

– Я прежде не знал, – тотчас сказал Бингли, – что вы изучаете характеры. Вероятно, это очень забавное занятие.

– Да, но сложные характеры особенно забавны. У них есть хотя бы это преимущество.

– В сельских краях, – сказал Дарси, – вряд ли можно найти много материала для такого изучения. В сельской округе вы возвращаетесь в очень ограниченном и неменяющемся обществе.

– Однако сами люди так изменяются, что в них всегда замечаешь что-то новое.

– Вот уж правда! – вскричала миссис Беннет, обиженная тоном, каким он произнес «сельская округа». – Можете мне поверить, в деревне этого самого не меньше, чем в столице.

Все были изумлены, а Дарси, смерив ее взглядом, молча отвернулся. Миссис Беннет, воображая, что одержала над ним полную победу, продолжала с торжеством:

– Вот уж не вижу, чем Лондон так уж лучше деревни, доложу я вам, ну, помимо магазинов и всяких увеселений. Деревня куда как приятнее, ведь верно, мистер Бингли?

– Когда я в деревне, – ответил он, – мне хочется остаться тут навсегда; но то же самое и в Лондоне. И там, и там есть свои преимущества, и я равно счастлив и в деревне, и в городе.

– Ну да, это так, потому что вы не критикан. А вот этот джентльмен, – тут она посмотрела на Дарси, – деревню словно бы ни во что не ставит.

– Право, маменька, вы ошибаетесь, – сказала Элизабет, краснея за мать. – Вы неверно поняли мистера Дарси. Он лишь имел в виду, что в деревне не встретишь столько совсем разных людей, как в городе, а это, вы должны

признать, совершенно справедливо.

– Кто же, душечка, с этим спорит. А вот о том, что в наших краях много людей не встретишь, так наша округа почище других будет. Мы ведь обедаем в двадцати четырех домах.

Только сочувствие к Элизабет помогло Бингли сохранить серьезность, но его сестра была не столь деликатна и взглянула на мистера Дарси с весьма выразительной улыбкой. Элизабет, желая отвлечь мать, поторопилась спросить, заглядывала ли в Лонгборн Шарлотта Лукас в эти дни.

– Да, вчера она нанесла нам визит вместе со своим папенькой. Уж какой сэр Уильям обходительный человек, мистер Бингли, не правда ли? Такой светский! Такого хорошего тона и ничуть не спесивый! У него всегда для всех найдется словечко. Вот что я нахожу благородными манерами; а те персоны, которые надуваются важностью и рта открыть не желают, очень даже ошибаются.

– Шарлотта обедала у вас?

– Нет, она домой торопилась. Думается мне, присмотреть за булочками с изюмом. Я-то, мистер Бингли, всегда держу слуг, которые со своим делом справляются без надзора. Мои-то дочери совсем не так воспитаны. Ну да каждому свое, а дочери Лукасов очень даже милые барышни, уж поверьте мне. Жаль только, что с лица неказисты. Не то чтобы я считала Шарлотту такой уж некрасивой, так ведь она нам почти как родная.

– Она кажется очень приятной барышней, – заметил Бингли.

– Так-то так, но согласитесь, она совсем дурнушка. Сама леди Лукас часто так говорит и завидует мне, что Джейн такая красавица. Натурально, мне не по душе расхваливать собственное дитя, но, право, Джейн... красивее ее не скоро сыщешь. Все так говорят. На свое материнское суждение я не полагаюсь. Ей еще шестнадцати не было, как один джентльмен в столице, в доме моего брата, Гардинера, до того в нее влюбился, что моя невестка уже думала, он сделает предложение, прежде чем мы уедем домой. Да только он предложения не сделал. Может, подумал, что она еще слишком молода. А вот стишки он ей написал, и такие миленькие!

– На чем его нежность и истощилась, – нетерпеливо сказала Элизабет. – Полагаю, не одну нежную страсть ждал подобный конец. Хотела бы я знать, кто первый открыл, что нет ничего лучше поэзии, чтобы прогнать любовь.

– Мне всегда казалось, что поэзия – это пища любви, – сказал Дарси.

– Подлинной, прочной, прекрасной любви – быть может. Все питательно для того, что уже сильно. Но если речь идет о хилом, слабом увлечении, я убеждена, что один звучный сонет тотчас уморит его голодом.

Дарси только улыбнулся, и в наступившем молчании Элизабет с трепетом ждала, что ее маменька вновь выставит себя на посмешище. Она охотно заговорила бы, но не находила о чем, и молчание прервала миссис Беннет, вновь принявшаяся благодарить мистера Бингли за его доброту к Джейн и рассыпаться в извинениях, что обременила его еще и Лиззи. Ответы мистера Бингли были неподдельно любезными и принудили мисс Бингли быть не менее любезной и сказать все то, чего требовал случай. Правда, она выполнила свой долг вежливости весьма сухо, но миссис Беннет была вполне удовлетворена и вскоре попросила, чтобы подали ее карету. По этому сигналу самая младшая из ее дочерей подошла к мистеру Бингли. Все время визита она перешептывалась с сестрой, и вот теперь на ее долю выпало напомнить мистеру Бингли, что он, едва переехав, обещал дать бал в Недерфилде.

Лидия, рослая, крепкая пятнадцатилетняя девочка, с прекрасным цветом лица и веселым выражением, была фавориткой матери, которая начала вывозить свою любимицу очень рано. Ее отличали задорность и природная вера в свою важность, превратившаяся в самоуверенность благодаря ухаживаниям офицеров, которых очень располагали к ней и отличные обеды ее дяди, и ее собственные свободные манеры. А потому она без малейшего стеснения заговорила с мистером Бингли о бале, бесцеремонно напомнила ему о данном обещании и добавила, что, если он его не сдержит, это будет самым противным поступком на свете. Его ответ на это внезапное нападение прозвучал для ушей ее матери как сладкая музыка.

– Уверяю вас, я твердо намерен сдержать свое обещание, и, когда ваша сестрица выздоровеет, вы, если вам угодно, сами назовете день бала. Но вы ведь не хотите танцевать, пока она хворает?

Лидия изъявила свое полное удовлетворение.

– Да-да, будет куда лучше подождать, пока Джейн не выздоровеет. И к тому времени капитан Картер, уж конечно, вернется в Меритон. А когда вы дадите свой бал, уж я настою, чтобы и они устроили бал. Скажу полковнику Фостеру, что он будет самым противным на свете, если не даст согласия.

Затем миссис Беннет и две ее дочери отбыли, а Элизабет тотчас вернулась к Джейн, предоставив свое поведение и поведение ее матери и Лидии насмешкам мисс Бингли, миссис Хёрст и мистера Дарси. Впрочем, последнего так и не удалось заставить посмеяться над ней самой, как мисс Бингли ни прохаживалась насчет прекрасных глаз.

Глава X

День прошел примерно так же, как и предыдущий. Миссис Хёрст и мисс Бингли провели несколько утренних часов с больной, которой хотя и медленно, но становилось лучше, и вечером Элизабет присоединилась к обществу в гостиной. Однако карточный стол не был разложен. Мистер Дарси писал письмо, и мисс Бингли сидела рядом, наблюдая, как оно продвигается, все время отвлекая пишущего просьбами передать от нее его сестре то-то и то-то. Мистер Хёрст и мистер Бингли играли в пикет, а миссис Хёрст смотрела, как они играют.

Элизабет взяла шитье и развлекалась тем, что следила за Дарси и мисс Бингли. Ее несмолкаемые похвалы то его почерку, то ровности строк, выходящих из-под его пера, то длине его письма и глубочайшее равнодушие, какое они встречали, слагались в забавный диалог, совершенно отвечавший мнению Элизабет и о ней, и о нем.

– Как обрадуется мисс Дарси, получив такое письмо!

Он ничего не ответил.

– Вы пишете с такой необыкновенной быстротой.

- Вы ошибаетесь. Я пишу довольно медленно.

- Сколько писем вам приходится писать на протяжении года! И сколько деловых! Меня они приводили бы в ужас!

- В таком случае очень удачно, что писать их мой жребий, а не ваш.

- Прошу, сообщите вашей сестрице, что мне не терпится увидеться с ней.

- Я уже один раз по вашему желанию написал ей это.

- Боюсь, вам не нравится ваше перо. Разрешите, я его очиню. Я очень хорошо чиню перья.

- Благодарю вас, но я сам чиню свои перья.

- Как вам удастся писать так ровно?

Он промолчал.

- Скажите вашей сестрице, что я в восхищении, узнав про ее успехи в игре на арфе, и прошу, не забудьте упомянуть, в какой восторг меня привел ее прелестный рисунок для столика и что, по-моему, он, несомненно, превосходит рисунок мисс Грантли.

- Вы не позволите отложить ваши восторги до моего следующего письма? На этом листе осталось слишком мало места, чтобы я мог воздать им должное.

- О, это не важно. Я ведь увижусь с ней в январе. А вы всегда пишете ей такие очаровательные длинные письма, мистер Дарси?

- Обычно они бывают длинными, но всегда ли очаровательными, судить не мне.

- Я совершенно уверена, что тот, кто способен с легкостью написать длинное письмо, не может писать плохо.

– Для Дарси это не такой уж комплимент, Каролина, – воскликнул ее брат, – потому что он вовсе не пишет с легкостью. Слишком уж он привержен всяким длинным ученым словам! Ведь правда, Дарси?

– Стиль моих писем заметно отличается от твоего.

– Ах! – вскричала мисс Бингли. – Чарльз пишет с невообразимой небрежностью. Он опускает половину слов, а остальные покрывает кляксами.

– Мои мысли текут так быстро, что я не успеваю их выразить, и поэтому мои корреспонденты порой не находят в моих письмах ни единой связной мысли.

– Ваша скромность, мистер Бингли, – сказала Элизабет, – обезоружит любой упрек.

– Нет ничего обманчивее скромности, – возразил Дарси. – Нередко это не более, чем равнодушие к чужим мнениям, а иногда и скрытое хвастовство.

– И чему из двух ты припишешь мой недавний образчик скромности?

– Скрытому хвастовству. Потому что на самом деле ты гордишься изъятиями своей манеры писать, считая их следствием быстроты мысли и небрежения к ее запечатлению на бумаге, а это, на твой взгляд, если и не достойно хвалы, во всяком случае, придает тебе интересность. Способность делать что-либо быстро всегда ценится ее обладателем, нередко не замечающим несовершенств, к каким приводит эта быстрота. Когда нынче утром ты сказал миссис Беннет, что соберешься за пять минут, если когда-нибудь решишь покинуть Недерфилд, ты видел в этом род панегирика себе, высокой похвалы. Но что столь уж достойного в сумасбродной поспешности, которая помешает завершить необходимые дела и не принесет пользы ни тебе, ни кому-либо еще?

– Право, это уже слишком! – вскричал Бингли. – Помнить вечером весь вздор, сказанный утром! Тем не менее, клянусь честью, я верил, что говорил о себе правду, и верю в это сейчас. А потому я не приписал себе сумасбродство для того, чтобы пощеголять перед дамами.

– Не спорю, возможно, ты верил своим словам, но я отнюдь не убежден, что ты упорхнул бы с такой быстротой. Твое поведение зависело бы от обстоятельств и случайностей, как и у всякого другого знакомого мне человека. И если бы, когда ты вскочил в седло, какой-нибудь друг сказал тебе: «Бингли, лучше подожди до следующей недели», ты, вероятно, послушался бы, ты, вероятно, отложил бы отъезд, а по настоянию кого-нибудь еще остался бы и на месяц.

– Этим вы лишь доказали, – воскликнула Элизабет, – что мистер Бингли не отдает должное своему характеру. Вы представили его в гораздо лучшем свете, чем он делал это сам.

– Я чрезвычайно польщен, – сказал Бингли, – тем, как вы превратили слова моего друга в комплимент доброте моей натуры. Но, боюсь, вы придали им смысл, какого он вовсе в виду не имел. Он, бесспорно, был бы лучшего обо мне мнения, если бы в подобных обстоятельствах я бы отказался наотрез и ускакал бы со всей быстротой, на какую способна моя лошадь.

– И мистер Дарси тогда бы счел, что опрометчивость вашего первого решения искуплена упрямством, с каким вы его выполнили?

– Честное слово, тут я ничего толком объяснить не могу. Дарси должен говорить сам за себя.

– Вы ждете от меня отчета во мнениях, которые вам было угодно приписать мне, хотя я ни разу ничего подобного не сказал. Однако допустим, что дело обстоит именно так, как вы его представили. Вам следует помнить, мисс Беннет, что друг, который предположительно пожелал, чтобы он вернулся в дом и отложил исполнение своего плана, всего лишь пожелал этого, попросил, не представив ни единого довода, почему это следовало сделать.

– Уступить настояниям друга легко и охотно – в ваших глазах это не заслуга?

– Уступка без причины не делает чести ни тому, ни другому.

– Мне кажется, мистер Дарси, вы не отводите никакого места воздействию дружбы или приязни. Сердечное чувство к просящему часто побуждает выполнить его просьбу, не дожидаясь доводов или объяснения причин. Я не имею в виду выдуманный вами случай с мистером Бингли. Быть может, нам

лучше подождать, пока не возникнут подобные обстоятельства, а уж тогда обсуждать благоразумность его поведения. Но в целом, при обычных обстоятельствах, когда один друг просит другого переменить не столь уж важное решение, если тот уступит, не дожидаясь уговоров, будете ли вы думать о нем дурно?

– Не следует ли, прежде чем мы продолжим эти рассуждения, сначала более точно установить степень важности, заключенной в этой просьбе, а также и степень близости между просящим и исполняющим просьбу?

– Конечно! – вскричал Бингли. – Давайте выслушаем все подробности, не упустив их сравнительный рост и обхват, ибо это, мисс Беннет, может придать вес доводам, какого вы не ожидаете. Поверьте, не будь Дарси так высок и силен в сравнении со мной, я бы и вполтину не был с ним так уступчив. Право, я не знаю никого ужасней Дарси в определенных обстоятельствах и в определенных местах и уж особенно в его доме в воскресный вечер, когда ему нечем заняться.

Мистер Дарси улыбнулся, но Элизабет показалось, что шутка мистера Бингли его задела, а потому она не засмеялась. Мисс Бингли горячо приняла к сердцу такой упрек ему и попеняла брату за вздор, который он наговорил.

– Я понял твою уловку, Бингли, – сказал его друг. – Ты не любишь отвлеченных споров и хотел положить конец нашему.

– Может быть, может быть. Такие споры слишком уж смахивают на диспуты. Если ты и мисс Беннет прервете свой, пока я не уберусь из комнаты, я буду премного благодарен, а тогда ты можешь говорить обо мне все, что захочешь.

– То, о чем вы просите, – сказала Элизабет, – никакой жертвы от меня не требует, да и мистеру Дарси нужно дописать свое письмо.

Мистер Дарси внял ее совету и дописал письмо. Завершив его, он попросил мисс Бингли и Элизабет сыграть что-нибудь. Мисс Бингли поспешила к фортепьяно, вежливо предложила Элизабет начать первой, а когда Элизабет отказалась столь же вежливо и куда более решительно, села за него.

Миссис Хёрст пела с сестрой, а Элизабет тем временем листала ноты, лежавшие на инструменте, и невольно заметила, что взгляд мистера Дарси очень часто

обращается на нее. Ей было странно предположить, что она могла оказаться предметом восхищения такого гордеца, и все же было бы еще более странно, если бы он смотрел на нее потому, что она ему не нравилась. Затем она пришла к выводу, что его внимание привлекает нечто в ней, по его понятиям недопустимое и отталкивающее, неуместное в их обществе. Эта мысль ее не удручила. Он ей так не нравился, что его одобрения она не искала.

После нескольких итальянских арий мисс Бингли заиграла шотландскую мелодию, и мистер Дарси, подойдя к Элизабет, сказал:

– Не испытываете ли вы неодолимого желания, мисс Беннет, воспользоваться случаем и сплясать рил?

Она улыбнулась, но ничего не ответила. Он, несколько удивленный ее молчанием, повторил свой вопрос.

– О! – воскликнула она. – Я слышала, что вы сказали, но не могла сразу решить, как вам ответить. Я знаю, вы бы хотели, чтобы я сказала «да» и дала вам повод отнестись с пренебрежением к моему вкусу. Но я очень люблю обманывать такие ожидания и не дать излиться уже готовому презрению. Вот почему я решила сказать вам, что не хочу сплясать рил, а теперь презирайте меня, если осмелитесь.

– О нет, я не осмелюсь.

Элизабет полагала уязвить его и была изумлена этой галантностью. Однако в ее тоне звучала такая смесь мягкости и лукавства, что ей вряд ли удалось бы сильно уязвить кого-нибудь. Дарси же еще ни одна женщина так не очаровывала, как она. Он даже полагал, что ему угрожала бы настоящая опасность, если бы положение ее семьи не было настолько ниже его собственного.

Мисс Бингли увидела или заподозрила достаточно, чтобы ее охватила ревность; и горячее желание скорейшего выздоровления ее дорогой подруги Джейн стало еще горячее от нетерпения как можно скорее избавиться от Элизабет.

Она часто пыталась вызвать у Дарси неприязнь к их госте, предсказывая их брак и описывая его счастье в таком союзе.

– Надеюсь, – сказала она на следующий день, прогуливаясь с ним по саду, – когда произойдет столь желанное событие, вы намекнете своей дражайшей теще, насколько ее украсит молчание; а если вам это удастся, прошу, излечите своих младших невесток от привычки гоняться за офицерами. И, если мне дозволено коснуться столь деликатной темы, попытайтесь побороть присущее даме вашего сердца маленькое нечто, граничащее с самомнением и наглостью.

– У вас есть еще какие-нибудь советы, которые обеспечат мне семейное счастье?

– О да! Непременно повесьте портреты вашего дядюшки Филипса и тетушки Филипс в портретной галерее Пемберли. Поместите их рядом с вашим двоюродным дедом-судьей. Они ведь принадлежат к одной профессии, хотя и не к одному кругу. Ну а портрета своей Элизабет вам лучше не заказывать. Какой художник сумеет воздать должное этим чудным глазам?

– Да, уловить их выражение было бы нелегко, но их цвет, разрез?! и ресницы такие прекрасные изобразить возможно.

Тут они встретили шедших по другой дорожке миссис Хёрст и Элизабет.

– Я не знала, что вы хотели совершить прогулку, – сказала мисс Бингли в некотором смущении, опасаясь, не расслышали ли они чего-нибудь.

– Вы обошлись с нами нестерпимо, – ответила миссис Хёрст. – Убежали, не сказав нам, что идете гулять.

Затем, завладев свободной рукой мистера Дарси, она предоставила Элизабет следовать за ними сзади. Ширина дорожки позволяла идти рядом лишь троим. Мистер Дарси почувствовал их неучтивость и тотчас сказал:

– Дорожка слишком узка для нашего общества. Лучше свернем в аллею.

Но Элизабет, у которой не было ни малейшего желания оставаться с ними, ответила со смехом:

– Нет-нет, не сворачивайте! Вы образуете такую очаровательную группу и выглядите на редкость авантажно. Но если добавить четвертую фигуру, все

обаяние будет испорчено. До свидания.

Она весело убежала от них и, кружа по дорожкам, радовалась, что через день-два будет уже дома. Джейн настолько оправилась от болезни, что подумывала присоединиться вечером к обществу часа на два.

Глава XI

Когда после обеда дамы удалились из столовой, Элизабет взбежала наверх к сестре и, присмотрев, чтобы она оделась потеплее, помогла ей спуститься в гостиную, где две ее подруги встретили ее изъявлениями величайшего своего удовольствия. Элизабет еще ни разу не видела их такими любезными, какими они оставались целый час, пока в гостиную не вошли джентльмены. Собеседницами они были превосходными. Умели в подробностях описать бал, остроумно рассказать о забавном случае и с тонкостью высмеять своих знакомых.

Однако, едва вошли джентльмены, Джейн была забыта. Глаза мисс Бингли тотчас обратились на мистера Дарси, и он не успел сделать и трех шагов, как она нашла, что ему сказать. Он же обратился прямо к мисс Беннет и поздравил ее с выздоровлением. Мистер Хёрст также слегка ей поклонился и сказал, что «очень рад». Но выразить истинную радость и восторг досталось на долю мистера Бингли. Он был само внимание. Первые полчаса ушли на то, чтобы растопить камин жарче из опасения, как бы она не озябла после своей теплой комнаты, и по его настоянию она пересела на другую сторону камина, подальше от двери. Затем он сел рядом с ней и больше до конца вечера почти ни с кем не разговаривал.

Элизабет, наклоняясь над шитьем в углу напротив, подмечала все это к большому своему удовольствию.

Когда чай был выпит, мистер Хёрст напомнил своей невестке, что пора бы разложить карточный стол, но тщетно. Она успела узнать, что мистер Дарси не хочет играть в карты, и вскоре мистер Хёрст получил отказ на прямую свою просьбу. Она заверила его, что ни у кого нет желания играть, и общее молчание, казалось, подтвердило ее слова. Мистеру Хёрсту оставалось только раскинуться

на диване и уснуть. Дарси взял книгу. Мисс Бингли поспешила взять другую, а миссис Хёрст любовалась своими браслетами и кольцами, изредка присоединяясь к разговору брата с мисс Беннет.

Мисс Бингли больше следила за тем, как читает мистер Дарси, чем смотрела в свою книгу, и непрерывно то задавала какой-нибудь вопрос, то заглядывала на его страницу, однако ей не удавалось заставить его разговориться. Он коротко отвечал ей и продолжал читать. Наконец, совсем истомленная попыткой развлечься чтением своей книги, которую она выбрала только потому, что это был второй том, а он читал первый, мисс Бингли позволила себе сладко зевнуть и сказала:

– Как приятно коротать вечер таким образом! Право, ни одно удовольствие не сравнится с чтением. Все может надоесть, но не книга! Когда у меня будет свой дом, какой несчастной я себя почувствую, если в моем распоряжении не окажется богатой библиотеки.

Никто не отозвался, и она, снова зевнув, бросила книгу и обвела глазами комнату, ища, чем бы развлечься. Затем, услышав, что ее брат что-то сказал мисс Беннет о бале, она внезапно обернулась к нему со словами:

– Кстати, Чарльз, ты серьезно хочешь дать бал в Недерфилде? Прежде чем ты примешь это решение, я посоветовала бы тебе справиться о желаниях наших гостей. Я очень ошибаюсь, если для некоторых из нас бал не явится скорее наказанием, чем удовольствием.

– Если ты о Дарси, – воскликнул ее брат, – то он может, если захочет, отправиться спать еще до начала. Ну а бал – дело решенное, и как только Николс все подготовит, я разошлю приглашения.

– Мне балы нравились бы бесконечно больше, – ответила она, – если бы их устраивали по-другому. Но есть что-то нестерпимо скучное в обычных балах. Несомненно, было бы куда разумнее, если бы они посвящались не танцам, а беседе.

– Гораздо разумнее, дорогая Каролина, не спорю, но тогда бы бал не был балом.

Мисс Бингли ничего не ответила, но вскоре встала и начала прохаживаться по комнате. Фигура у нее была очень грациозная, походка – изящная, но Дарси, для которого предназначался этот маневр, был все так же погружен в чтение. Отчаявшись, она решилась еще на одну попытку и, повернувшись к Элизабет, сказала:

– Мисс Элизабет Беннет, не могла бы я убедить вас взять с меня пример и пройтись по комнате? Уверяю вас, это очень освежает, если долго сидеть в одной позе.

Элизабет была удивлена, но тотчас согласилась. А мисс Бингли преуспела и в достижении своей истинной цели. Мистер Дарси поднял глаза от страницы. Он не менее Элизабет понимал неожиданность такого знака внимания и машинально закрыл книгу. И тут же был приглашен присоединиться к ним, однако отказался, заметив, что видит лишь две причины, почему они решили прогуляться по комнате, и в обоих случаях он окажется для них помехой. Что он подразумевал? Она умирала от желания узнать, что означают его слова, и спросила Элизабет, поняла ли она его.

– Нисколько, – ответила та, – но не сомневайтесь, он намерен нас осудить, и, вернее всего, мы его разочаруем, если не зададим ни одного вопроса.

Однако мисс Бингли была не способна хоть в чем-нибудь разочаровать мистера Дарси, а потому продолжала настойчиво спрашивать его, о каких двух причинах он говорил.

– Я нисколько не прочь объяснить, – сказал он, едва она позволила ему произнести хоть слово. – Вы выбрали такой способ скоротать вечер либо потому, что вы задушевные приятельницы и вам надо обсудить какие-то свои секреты, либо вы знаете, что вы, пока прогуливаетесь, выглядите особенно выгодно. Если верно первое, то я могу лишь помешать вам, а если второе, то восхищаться вами мне лучше всего сидя у камина.

– Невыносимо! – вскричала мисс Бингли. – Никогда не слышала ничего возмутительнее. Как нам наказать его за подобные слова?

– Нет ничего легче, если вам этого хочется, – сказала Элизабет. – Нам всем дано наказывать друг друга и выводить из терпения. Поддразнивайте его, поднимите

на смех. При вашей короткости вам должно быть известно, как его пронять.

– Но, честное слово, я понятия не имею. Уверяю вас, наша короткость еще не открыла мне этого. Поддразнивать человека такого невозмутимого и находчивого! Нет, нет. Не сомневаюсь, он возьмет над нами верх. А что до смеха, мы, с вашего позволения, не станем смеяться, не найдя к тому повода. Мистер Дарси только поздравит себя с победой!

– Над мистером Дарси не должны смеяться! – воскликнула Элизабет. – Какое редкостное преимущество! Надеюсь, оно редкостным и останется. Для меня было бы большой потерей, окажись у меня много подобных знакомых. Я очень люблю посмеяться.

– Мисс Бингли, – сказал он, – приписала мне слишком много. Самые лучшие и самые мудрые из людей... нет, самые мудрые и лучшие их деяния могут быть представлены в смешном свете теми, для кого шутка – главная цель в жизни.

– Бесспорно, такие люди есть, – ответила Элизабет, – но, надеюсь, я к ним не принадлежу. Надеюсь, я никогда не стану высмеивать то, что мудро и прекрасно. Глупость и вздорность, капризы и причуды меня, правда, развлекают. Но, полагаю, вам ничто подобное несвойственно.

– Пожалуй, никто не может быть вполне от них свободен. Но я посвятил жизнь тому, чтобы избегать тех слабостей, из-за которых даже большие умы становятся предметом насмешки.

– Например, тщеславия и гордости?

– Да, тщеславие – это, поистине, слабость. Но гордость при подлинном уме никогда не выйдет из границ.

Элизабет отвернулась, чтобы спрятать улыбку.

– Полагаю, вы кончили изучать мистера Дарси, – сказала мисс Бингли. – И к какому же выводу вы пришли?

– Я полностью убедилась, что мистер Дарси во всех отношениях безупречен. Он сам в этом откровенно признается.

– Нет, – сказал Дарси, – ни на что подобное я не претендую. У меня немало недостатков, но, надеюсь, не в области ума. За свой характер я не смею поручиться. Он, как мне кажется, слишком неуступчив. Во всяком случае, для требований света. Я не умею забывать сумасбродства и пороки других так быстро, как следовало бы, не говоря уж об оскорблениях, мне нанесенных. Мои чувства нелегко поддаются попыткам воздействовать на них. Пожалуй, мой характер можно назвать непреклонным. Если кто-то упадет в моем мнении, то навсегда.

– Да, это настоящий недостаток, – сказала Элизабет. – Обидчивая неумолимость портит любой характер. Но вы хорошо выбрали свою слабость. Над ней я не могу посмеяться. От меня вам ничто не грозит.

– Насколько мне кажется, в любой натуре есть склонность к тому или иному пороку – изъян, какого не может исправить никакое воспитание.

– И ваш порок – склонность презирать всех людей.

– А ваш, – ответил он с улыбкой, – намеренно понимать их превратно.

– Может быть, немного музыки?! – воскликнула мисс Бингли, утомленная разговором, в котором не принимала участия. – Луиза, ты не рассердишься, если я разбужу мистера Хёрста?

Ее сестра не стала возражать, фортепьяно было открыто, и Дарси, после минутного размышления, это не огорчило. Он все больше чувствовал, насколько опасно оказывать Элизабет слишком много внимания.

Глава XII

С согласия сестры Элизабет на следующее утро написала матери, прося, чтобы за ними прислали карету еще до вечера. Однако миссис Беннет,

рассчитывавшая, что ее дочери пробудут в Недерфилде до следующего вторника, что для Джейн означало бы неделю, не желала увидеть их дома раньше. Поэтому ее ответ был не тем, какого ждала Элизабет, которой не терпелось вернуться домой. Миссис Беннет написала им, что раньше вторника прислать за ними карету никак не возможно, а в постскриптуме добавила, что, если мистер Бингли и его сестра будут настаивать, чтобы они погостили у них подольше, она ничего против не имеет. О том, чтобы погостить подольше, Элизабет и подумать не могла, да и не ждала, что такое приглашение последует. Напротив, боясь, что их сочтут навязчивыми, она начала уговаривать Джейн, не откладывая, попросить мистера Бингли одолжить им карету, и в конце концов они, как и намеревались, решили сказать, что хотели бы покинуть Недерфилд нынче же утром, и спросить о карете. В ответ слышались возражения. Их так настойчиво уговаривали остаться хотя бы до следующего дня, что Джейн не устояла, и отъезд был отложен на завтра. Мисс Бингли тут же пожалела о своей настойчивости, потому что ее ревность и неприязнь к одной сестре далеко превосходили расположение к другой.

Хозяин дома искренне огорчился их скорым отъездом и вновь и вновь пытался убедить мисс Беннет, что для нее это опасно, что она еще не совсем здорова. Но Джейн умела быть твердой, когда знала, что права.

Мистера Дарси их решение обрадовало – Элизабет и так пробыла в Недерфилде слишком долго. Она очаровывала его сильнее, чем ему хотелось бы. Мисс Бингли держалась с ней почти грубо, а его окружала знаками внимания даже больше обычного. Он благоразумно решил особенно тщательно следить, чтобы теперь ничем не выдать своего восхищения, не выказать ничего, что могло бы внушить ей надежду, будто от нее зависит его счастье; да, это умно. Если такое подозрение возникло, его поведение в течение последнего дня может значительно его подкрепить или же рассеять. Твердо соблюдая это решение, он за всю субботу не сказал ей и десяти слов; и хотя на полчаса они оказались в гостинной одни, он добросовестно сосредоточился на своей книге и даже ни разу не взглянул на Элизабет.

В воскресенье после утренней службы наступило расставание, столь приятное почти для всех. В последние минуты любезность мисс Бингли по отношению к Элизабет необыкновенно возросла, как и ее расположение к Джейн. При прощании, заверив вторую в том, что она всегда будет рада видеть ее в Лонгборне или в Недерфилде, и нежно ее обняв, мисс Бингли даже пожала руку первой, и Элизабет рассталась с недерфилдским обществом в самом

веселом расположении духа.

Дома маменька встретила их не слишком ласково. Миссис Беннет не могла понять, зачем они вернулись, сурово осудила их за то, что они доставили столько хлопот, и не сомневалась, что Джейн вновь схватила простуду. Но папенька, хотя и был весьма лаконичен в выражении этого, искренне обрадовался их возвращению, ибо ему очень их недоставало в семейном кругу. Вечерние беседы, когда они собирались вместе, в отсутствии Джейн и Элизабет значительно утратили оживленность и почти всякий смысл.

Мэри, как обычно, они застали погруженной в постижение учения о гармонии и человеческой природе; им пришлось восхититься новыми выписками и выслушать несколько новых соображений о прописных истинах. У Кэтрин и Лидии были для них новости совсем иного рода. С предыдущей среды в полку многое происходило и многое говорилось. Несколько офицеров отобедали у их дяди, солдат был наказан шпицрутенами, и намекалось – подумать только! – что полковник Фостер собирается жениться.

Глава XIII

– Надеюсь, душа моя, – сказал мистер Беннет своей супруге за завтраком на следующее утро, – нынче вы заказали обед получше, так как у меня есть причины полагать, что наш семейный круг пополнится.

– О чем вы, мой друг? Не могу вообразить, кто бы это мог быть? Разве только к нам заглянет Шарлотта Лукас, но, надеюсь, мои обеды для нее достаточно хороши. Не думаю, что у себя дома она часто видит такие.

– Я говорю о джентльмене, нам мало знакомом.

Глаза миссис Беннет радостно заблестели.

– Малоознакомый джентльмен! Разумеется, это мистер Бингли. Ах, Джейн, ты и словечком не обмолвилась, плутовка ты этакая! Разумеется, я буду в восторге увидеть мистера Бингли. Но... Боже великий! Такая незадача! Сегодня у нас нет

рыбы. Лидия, душенька, позвони. Я сию же минуту должна отдать распоряжения Хилл.

– Нет, я жду не мистера Бингли, – сказал ее супруг. – Этого джентльмена я никогда в жизни не видел.

Это вызвало общее изумление, и, к его удовольствию, жена и все пять дочерей накинулись на него с вопросами.

Позабавившись их любопытством, он наконец объяснил:

– Месяц назад я получил вот эту эпистола, а ответил на нее около двух недель назад. Речь ведь идет о довольно тонком деле, требующем принять меры заранее. Письмо от моего родственника, мистера Коллинза, который после моей кончины сможет выгнать вас из этого дома, когда ему будет угодно.

– Ах, друг мой! – вскричала его супруга. – Мне невыносимо это слушать! Прошу вас, не упоминайте этого несносного человека. Право, нет ничего более возмутительного на свете, чем какой-то там майорат, отнимающий ваше имущество у ваших родных детей! И, право, на вашем месте я бы уже давно постаралась так или иначе от него избавиться.

Джейн с Элизабет попытались объяснить ей суть майората. Они уже не раз предпринимали такие попытки, но миссис Беннет не внимала никаким доводам, когда речь заходила об этом предмете, и продолжала горько сетовать на жестокость, с какой имение отнимают у семьи с пятью дочерьми в пользу человека, которого никто знать не знает.

– О, бесспорно, это весьма черное деяние, – сказал мистер Беннет, – и ничто не может оправдать мистера Коллинза, виновного в том, что он наследник Лонгборна. Но, если вы послушаете, что он пишет, быть может, вас несколько смягчит его эпистолярная манера.

– Нет, я убеждена, что нет. И по-моему, с его стороны писать вам вообще большая наглость и мерзкое лицемерие. Не выношу таких притворных друзей. Почему он не мог и дальше быть с вами в ссоре, как прежде его отец?

– Да, правда, он, как вы услышите, испытывает некоторые угрызения, делающие честь его сыновней почтительности.

«Хансфорд под Уэстерхемом, Кент,

15 октября. Любезный сэр,

несогласия, существовавшие между вами и моим покойным досточтимым родителем, всегда причиняли мне большое огорчение. И с тех пор, как я имел несчастье лишиться его, мне часто хотелось загладить прошлое, но некоторое время меня удерживали сомнения, не уподобится ли это неуважению к его памяти, если я буду в добрых отношениях с теми, с кем ему было благоугодно пребывать в раздоре (слышите, миссис Беннет?). Однако теперь я пришел к решению, ибо, будучи рукоположен на Пасху, имел великое счастье быть отличенным покровительством высокородной леди Кэтрин де Бёр, вдовы сэра Льюиса де Бёра, чьими благодетельными щедротами я получил этот доходный приход, где приложу все усердие, дабы выразить мою почтительнейшую благодарность ее милости и неусыпно совершать все требы и обряды, кои учреждены англиканской церковью. Как духовный пастырь я, кроме того, почитаю моим долгом утверждать и восстанавливать мир во всех семействах, где сие зависит от меня; и на сем основании льщу себя мыслью, что нынешние мои изъявления доброжелательности весьма похвальны, и то обстоятельство, что согласно майорату я являюсь ближайшим наследником Лонгборна, с вашей стороны будет любезно во внимание не принято, и вы не отвергнете протянутую оливковую ветвь. Я не могу не быть удручен, что должен стать причиной нанесения ущерба вашим милейшим дочерям, и прошу о дозволении принести в этом мои извинения, а также заверить вас в моей готовности возместить им сие в меру моих сил; но об этом позже. Если вы не откажете принять меня у себя дома, то я хотел бы иметь удовольствие посетить вас и ваше семейство в понедельник 18 ноября в четыре часа и мог бы злоупотребить вашим гостеприимством до субботы неделю спустя, что могу себе позволить без всяких затруднений, ибо леди Кэтрин не возражает против того, чтобы я иногда отлучался по воскресеньям при условии, что меня на этот день заменит другой священнослужитель.

Остаюсь, любезный сэр, с изъявлениями почтения вашей супруге и дочерям, вашим доброжелателем и другом,

Уильям Коллинз».

– Посему в четыре часа мы можем ожидать сего джентльмена с оливковой ветвью, – сказал мистер Беннет, складывая письмо. – Он, право, кажется чрезвычайно добропорядочным и учтивым молодым человеком и, полагаю, окажется бесценным знакомым, если леди Кэтрин будет милостиво и впредь позволять ему вновь навещать нас.

– О наших девочках он пишет достаточно разумно, и, если он предложит нам возмещение, я, со своей стороны, не скажу ему «нет».

– Хотя трудно догадаться, каким возмещением он считает себя обязанным нам, – сказала Джейн, – само это желание говорит в его пользу.

Элизабет главным образом изумило его неопишное почтение к леди Кэтрин, а также его благое намерение крестить, сочетать браком и хоронить своих прихожан, когда бы это ни потребовалось.

– Он мне кажется странноватым, – сказала она. – Я его не понимаю. Его перо дышит напыщенностью. И почему он приносит извинения за то, что стал наследником майората? Мы ведь не можем предположить, чтобы он что-нибудь изменил, даже будь это в его силах? Здравомыслящий ли он человек, папенька?

– Нет, душа моя, не думаю. И весьма надеюсь, что он окажется полной тому противоположностью. В его письме есть смесь подобострастия и самодовольства, которая многое сулит. Мне не терпится его увидеть.

– Композиция его письма не вызывает нареканий, – сказала Мэри. – Аллегория оливковой ветви не нова, но, по-моему, выражена недурно.

Кэтрин и Лидию ни письмо, ни его автор ничуть не заинтересовали. Их родственник никак не мог приехать в алом мундире, а уже несколько недель общество мужчин в одежде иного цвета их не привлекало. Что до их матери, то письмо мистера Коллинза во многом смягчило ее недоброжелательность, и она готова была принять его со спокойствием, немало удивившим ее мужа и дочерей.

Мистер Коллинз был точен, и семья оказала ему самый любезный прием. Мистер Беннет, правда, ограничился несколькими словами, но миссис Беннет и барышни охотно поддерживали разговор, а мистер Коллинз, казалось, не нуждался в ободрении и не был склонен молчать. Он оказался высоким молодым человеком двадцати пяти лет, плотного сложения, весьма серьезным, с величавой осанкой; манеры его отличались примерной благовоспитанностью. Не успел он сесть, как сделал миссис Беннет комплимент, что она взрастила столь прекрасных дочерей, сказал, что много наслышан об их красоте, но на этот раз истина превзошла все хвалы; а затем добавил, что, без сомнения, со временем все они на радость ей сделают отличные партии. Эта галантность пришлась по вкусу далеко не всем его слушательницам, но миссис Беннет не пренебрегала никакими комплиментами и ответила весьма охотно:

– Право, вы очень любезны, сударь, и я от всего сердца желаю, чтобы это сбылось; иначе ведь их ждет бедность. Все так странно устроено!

– Быть может, вы имеете в виду майорат?

– Ах, сударь, разумеется. Такое несчастье для моих бедных девочек, сами извольте рассудить. Не то чтобы я вас винила – так уж на свете заведено. С майоратом никогда не известно, кому достанется имение.

– Сударыня, я весьма сострадаю бедственному жребию моих прекрасных кузин и мог бы многое сказать об этом, не опасайся я показаться дерзким и излишне торопливым. Но я могу заверить несравненных барышень, что приехал готовым смотреть на них восхищенным взором. Пока я не скажу более ничего, но, быть может, когда мы познакомимся поближе...

Его перебило приглашение к обеду, и барышни обменялись улыбками. Не только они были предметом восхищения мистера Коллинза. Гостиную, столовую и всю мебель в них он внимательно осмотрел и похвалил, и его комплименты всему и вся пролили бы бальзам на сердце миссис Беннет, если бы не горькая мысль, что видит он это как свою будущую собственность. Обед, в свою очередь, стал предметом восхищения, и мистер Коллинз пожелал узнать, какая из его прекрасных кузин придала кушаньям такое совершенство. Однако миссис Беннет поспешила вывести его из заблуждения, объяснив с некоторой досадой, что им вполне по средствам держать хорошую кухарку и ее дочерям делать в кухне нечего. Он рассыпался в извинениях, что дал ей повод к неудовольствию, и она более мягким тоном завершила его, что ничуть не обиделась, но он

продолжал испрашивать прощения еще около четверти часа.

Глава XIV

За обедом мистер Беннет большей частью хранил молчание, но, когда слуги вышли, он счел, что пора побеседовать со своим гостем, и коснулся темы, которая, по его мнению, должна была позволить тому особенно блеснуть, заметив, что ему как будто выпало редкое счастье обрести великодушную патронессу. Внимание леди Кэтрин де Бёр к его желаниям и ее заботливость поистине замечательны. Мистер Беннет не мог бы сделать лучшего выбора. Мистер Коллинз дал волю красноречию, превознося леди Кэтрин. Его серьезность обрела еще большую торжественность, и с великой важностью он объявил, что никогда в жизни не видел подобной доброты у знатных особ – такой ласковости и снисходительности, какие оказывает ему леди Кэтрин. Она соблаговолила отозваться с похвалой об обеих проповедях, которые он имел честь произнести в ее присутствии. Кроме того, она дважды приглашала его отобедать в Розингсе и не далее как в прошлую субботу послала за ним, когда вечером ей потребовался четвертый партнер за карточным столом. Многие люди почитают леди Кэтрин гордой, ему это известно, но сам он не видел от нее ничего, кроме ласковости. Разговаривает она с ним всегда как с джентльменом; она не возражает против того, чтобы он вращался в местном обществе или порой покидал приход на неделю-другую, дабы посетить своих родственников. Более того, она снизошла дать ему совет жениться как можно скорее при условии, что он сделает разумный выбор; а однажды так запросто посетила его скромное жилище, где одобрила все переделки, какие он счел нужным предпринять, и даже изволила указать на необходимость еще некоторых касательно полок в стенных шкафах наверху.

– Очень любезно и превосходней некуда, – сказала миссис Беннет. – Она, видно, очень приятная женщина. Такая жалость, что мало какие знатные дамы на нее похожи. А проживает она поблизости от вас, сударь?

– Сад, окружающий мое смиренное жилище, отделен лишь дорогой от Розингс-Парка, резиденции ее милости.

– Вроде бы, сударь, вы упомянули, что она вдовец? Есть ли у нее дети?

– Лишь одна дочь, наследница Розингс-Парка и весьма большого состояния.

– А! – вскричала Миссис Беннет. – Какая счастливица! Не то что многие и многие девицы. А какова она? Должно быть, красавица?

– Она поистине само совершенство. Леди Кэтрин изволит говорить, что истинной красотой мисс де Бёр далеко превосходит самых признанных красавиц, ибо в ее чертах есть нечто, что сразу выделяет девицу знатного происхождения. К несчастью, она слаба здоровьем, и сие помешало ей обрести ту неподражаемость в музыке, пении, рисовании и прочем, коей она, бесспорно, достигла бы, как меня заверила ее почтенная наставница, все еще проживающая у них. Однако она образец приветливости и часто изволит проезжать мимо моего скромного жилища в своем маленьком фаэтоне, запряженном пони.

– Она представлялась ко двору? Я что-то не упомяну ее фамилии среди представлявшихся девиц.

– Слабая конституция, увы, не позволяет ей бывать в столице, и, как я однажды сказал леди Кэтрин, по этой причине английский двор лишен самого блистательного своего украшения. Ее милости как будто понравилась эта мысль, и вы можете вообразить, сколь я счастлив при каждом удобном случае вставлять такие скромные комплименты, всегда столь уместные в беседах с дамами. Я не раз повторял леди Кэтрин, что ее обворожительная дочь рождена стать герцогиней, причем сей высочайший титул отнюдь не послужит к ее возвышению, но, напротив, она возвысит его. Вот такие пустячки, нравящиеся ее милости, такие знаки почтения, тешу себя мыслью, мне особенно удаются.

– Совершенно справедливо, – сказал мистер Беннет, – и как вы счастливы, что наделены талантом льстить с изяществом. Могу ли я спросить, эти комплименты к месту рождаются вдохновением минуты или они – плод предварительных размышлений?

– Подсказываются они главным образом обстоятельствами. И, хотя меня развлекает сочинять и совершенствовать маленькие изящные комплименты, подходящие к обычным случаям, я всегда тщусь произносить их так, будто они только что пришли мне в голову.

Предположения мистера Беннета сбылись сполна. Его родственник оказался кладезем глупостей, как он и думал. Он слушал его с величайшим наслаждением, сохраняя в то же время вид невозмутимейшей серьезности, и лишь изредка посматривал на Элизабет, приглашая ее разделить с ним это удовольствие.

Однако ко времени чая доза оказалась более чем достаточной, и мистер Беннет был рад вновь проводить мистера Коллинза в гостиную, а когда чай был выпит, попросил его почитать что-нибудь вслух всему обществу. Мистер Коллинз с охотой согласился, ему подали книгу, но, едва взглянув (все в ней указывало, что она взята из платной библиотеки), он отложил ее и, испросив извинения, объявил, что никогда не читает романов. Китти вытаращила на него глаза, а Лидия ахнула. Ему предложили другие книги, и, по размышлению, он остановил свой выбор на проповедях Фордайса. Когда он развернул их том, Лидия зевнула, и не успел он с торжественной монотонностью прочесть и трех страниц, как она его перебила:

– Вы знаете, маменька, дядя Филипс поговаривает о том, чтобы отказать Ричарду. А тогда его наймет полковник Фостер. Мне сама тетушка сказывала в субботу. Завтра я схожу в Меритон разузнать побольше, и еще спрошу, когда мистер Денни вернется из столицы.

Старшие сестры приказали Лидии придержать язык, но мистер Коллинз, весьма обидевшись, положил книгу и сказал:

– Мне часто доводилось замечать, сколь мало юных барышень интересуют книги серьезного содержания, хотя и написанные для их наставления. Признаюсь, меня это изумляет: ведь что может принести им более пользы, нежели мудрые поучения? Но я не стану долее досаждать моей юной кузине.

Затем, обернувшись к мистеру Беннету, он предложил ему себя в противники для партии в триктрак. Мистер Беннет принял вызов, заметив, что мистер Коллинз поступил весьма разумно, предоставив девочек их глупеньким развлечениям. Миссис Беннет и ее дочери извинились за выходку Лидии и обещали, что ничего подобного не повторится, если он возобновит чтение. Но мистер Коллинз, заверив их, что не таит обиды на свою юную кузину и ни в коем случае не усмотрел бы в ее поведении чего-либо предосудительного, сел за другой стол с мистером Беннетом и приготовился сразиться в триктрак.

Глава XV

Мистер Коллинз не был умен, и это упущение природы не поправили ни образование, ни общество. Заметная часть его жизни прошла под властью невежественного и скупого отца. И хотя он окончил университет, но лишь сдавая требуемые экзамены, и не завел полезных знакомств. Отцовский гнет поначалу придал его манерам низжайшее смирение, но теперь оно во многом сменилось самодовольством живущего в глуши глупца и другими чувствами, порожденными ранним и неожиданным преуспеянием. Счастливый случай обратил на него внимание леди Кэтрин де Бёр как раз тогда, когда хансфордский приход был вакантен, и почтение, которое он питал к ее знатности, благоговение перед ней как своей благодетельницей вкупе с весьма высоким мнением о собственной персоне, о своем влиянии как священнослужителя, о своих правах как главы прихода странным образом сочетали в нем гордыню с пресмыкательством, спесь с искательностью.

Обладая теперь хорошим домом и вполне достаточным доходом, он вознамерился жениться; и, ища примирения с лонгборнскими родственниками, рассчитывал обрести жену, выбрав одну из барышень, если они окажутся такими красивыми и благонравными, какими их описывала молва. Вот так он предполагал возместить – искупить то обстоятельство, что ему предстояло унаследовать имение их отца. План этот мнился ему превосходным во всех отношениях, восхитительно подходящим случаю, а также чрезвычайно великодушным и бескорыстным с его стороны.

Увидев их, он не отказался от своих намерений. Прелестное лицо мисс Беннет утвердило его в них, подкрепило его строгие понятия о соблюдении старшинства, и поэтому в первый вечер его избранницей стала Джейн.

Следующее утро, однако, принесло некоторые изменения. Ибо, оказавшись перед завтраком тет-а-тет с миссис Беннет, он завел разговор о своем доме при церкви, а затем, естественно, признался, что хозяйку этого дома он надеется найти в Лонгборне, на что она среди ободряющих улыбок и всяческих поощрений предостерегла его против интереса к той самой Джейн, на которой он остановил свой выбор. Что до ее младших дочерей, она не берет на себя сказать... она не может сразу же дать точный ответ, но ей неизвестны никакие

препоны... Однако ее старшая дочь, как ей следует упомянуть... Она чувствует себя обязанной намекнуть, что, возможно, очень скоро будет объявлено о ее помолвке...

Мистеру Коллинзу оставалось только перенести свой выбор с Джейн на Элизабет, что он и не замедлил сделать очень скоро – пока миссис Беннет перемешивала угли в камине, Элизабет, равно следовавшая за Джейн и по старшинству и по красоте, естественно, с легкостью заняла в его планах место сестры.

Миссис Беннет пришла в восторг от его намека, исполнившись надежды, что очень скоро две ее дочери обретут мужей, и человек, о котором накануне утром она и слышать не желала, был теперь у нее в большой милости.

Намерение Лидии отправиться в Меритон забыто не было, и все сестры, кроме Мэри, согласились пойти с ней. Мистеру Коллинзу выпала честь сопровождать их по просьбе мистера Беннета, который не чаял, как от него избавиться и вновь получить библиотеку в полное свое распоряжение. Ибо после завтрака мистер Коллинз последовал за ним туда и, листая самый толстый фолиант, какой только отыскался на полках, продолжал без умолку разглагольствовать, занимая мистера Беннета описанием своих дома и сада в Хансфорде, чем совсем допек мистера Беннета, привыкшего обретать в своей библиотеке покой и тихий досуг. Готовый, как он объяснил Элизабет, терпеть глупость и самодовольство во всех остальных комнатах своего дома, тут он привык отдыхать от них. Поэтому учтивость тотчас подсказала ему, что мистера Коллинза следует пригласить пойти с барышнями, а мистер Коллинз, чьим вкусам прогулка отвечала куда больше, чем чтение, с превеликой радостью захлопнул огромный фолиант и покинул библиотеку.

До Меритона они дошли под изрекаемые им напыщенные бессмыслицы и вежливые поддакивания барышень, но там две младшие кузины тотчас забыли про него и устремили взоры по сторонам улицы, высматривая офицеров.

И лишь самая щегольская шляпка или новейший муслин в окне лавки могли бы отвлечь их.

Однако вскоре внимание всех барышень приковал молодой человек, которого они никогда прежде не видели и который выглядел джентльменом до кончиков

ногтей. Он прогуливался по другой стороне улицы с офицером, тем самым мистером Денни, о чьем возвращении из Лондона намеревалась узнать Лидия. Он поклонился, когда они проходили мимо. Их всех обворожила наружность его спутника, все спросили себя, кто бы это мог быть такой. Китти с Лидией, решив во что бы то ни стало найти ответ, поспешили перейти улицу под предлогом, будто им необходимо что-то купить в лавке напротив, и волей судеб ступили на тротуар именно тогда, когда джентльмены, повернув назад, достигли того же места. Мистер Денни заговорил с ними и попросил позволения представить им своего друга, мистера Уикхема, который накануне приехал с ним из столицы и, он счастлив сказать, станет офицером их полка. Ничего больше и пожелать было невозможно: ему не хватало лишь мундира, чтобы стать совсем неотразимым. Внешность его была весьма располагающей. Он был всем хорош: красивое лицо, стройность, очаровательные манеры. После церемоний представления он с большой непринужденностью вступил в разговор, причем непринужденность эта ни в чем не отступала от правил хорошего тона, отнюдь не походя на назойливость. Все они приятно беседовали, когда вдруг их внимание отвлек топот копыт и на улицу въехали Дарси и Бингли. Узнав барышень, они направили лошадей в их сторону и обменялись положенными приветствиями. Говорил главным образом Бингли, и говорил он главным образом с мисс Беннет. Он объяснил, что как раз направлялся в Лонгборн осведомиться о ее здоровье. Мистер Дарси подтвердил его слова поклоном и только решил не позволить своим глазам обратиться на Элизабет, как вдруг его взгляд упал на нового знакомого барышень, и Элизабет, случайно в этот миг посмотрев на них, была поражена, какое действие произвела эта встреча на обоих.

Оба переменились в лице, один побелел, другой покраснел. Затем мистер Уикхем прикоснулся к шляпе – знак приветствия, который мистер Дарси еле снизошел заметить.

Что бы это значило? Ответ было невозможно вообразить, как невозможно было не пожелать найти разгадку.

Минуту спустя ничего не заметивший мистер Бингли распрощался и поехал дальше со своим другом.

Мистер Денни и мистер Уикхем проводили барышень до дверей мистера Филиппа, а затем откланялись вопреки настояниям Лидии зайти в дом и даже вопреки миссис Филипп, которая открыла окно гостиной и во весь голос повторила это приглашение.

Миссис Филипс всегда была рада племянницам, но на этот раз особенно ласково приняла двух старших после их недельного отсутствия. Она нетерпеливо выразила удивление, что они нежданно вернулись домой, о чем, раз за ними не послали родительскую карету, она даже не узнала бы, если бы на улице не встретила посыльного мистера Джонса и не услышала от него, что больше они микстур в Недерфилд посылать не будут, потому что мисс Беннет с сестрицей уехали домой. Но тут благовоспитанность потребовала, чтобы миссис Филипс занялась мистером Коллинзом, которого представила ей Джейн.

Она не поскупилась на любезности, а он вернул их ей сторицей, принося извинения, что столь бесцеремонно вторгся в ее дом, не имея чести быть с ней знакомым прежде, однако он тешит себя мыслью, что этому можно найти оправдание в его родстве с барышнями, кои пожелали представить его ей. Миссис Филипс такой избыток благовоспитанности вверг почти в благоговейный ужас. Однако ее интересу к одному незнакомому джентльмену был положен конец восклицаниями и расспросами о втором. Увы, о нем она могла сообщить племянницам лишь то, что им было уже известно. Он приехал из Лондона вместе с мистером Денни и должен получить патент на чин лейтенанта в ***ширском полку. Она сказала, что целый час смотрела, как он прогуливался по улице, и, появившись мистер Уикхем вновь, Китти и Лидия, несомненно, продолжили бы эти наблюдения, но, к несчастью, теперь мимо окон никто не прошел, кроме двух-трех офицеров, которые в сравнении с их новым знакомым превратились в «глупых и противных». На следующий день у Филипсов должны были обедать некоторые офицеры, и тетушка пообещала отправить мужа с визитом к мистеру Уикхему, чтобы пригласить и его, если они все пообещают приехать из Лонгборна провести тут вечер. На чем и порешили, а миссис Филипс пообещала веселую шумную игру в лотерею с легким ужином напоследок. Надежда на такие заманчивые развлечения привела всех в отличное расположение духа, и они расстались весьма довольные друг другом. Прощаясь, мистер Коллинз вторично принес свои извинения и с неизменной учтивостью был заверен в совершеннейшей их излишности.

На обратном пути Элизабет рассказала Джейн о том, что заметила при встрече мистера Дарси с мистером Уикхемом. Однако, хотя Джейн встала бы на защиту любого из них или их обоих, если бы их можно было в чем-то упрекнуть, ей оставалось только недоумевать, как и ее сестре.

Мистер Коллинз, вернувшись, весьма угодил миссис Беннет, восхваляя манеры и обходительность миссис Филипс.

Он заверил ее, что за исключением леди Кэтрин и ее дочери ему еще не доводилось встречать столь светской дамы, ибо она не только приняла его с величайшей ласковостью, но даже особливо включила в приглашение на следующий вечер, хотя прежде даже не слышала о нем. Разумеется, он полагает, какое-то объяснение есть в его родстве с ними, но тем не менее он еще ни разу не встречал такого лестного к себе внимания.

Глава XVI

Барышням без малейших возражений было разрешено принять приглашение тетушки; поползновениям мистера Коллинза остаться, ибо благовоспитанность не позволяла ему покинуть мистера и миссис Беннет хотя бы на один вечер, пока он гостит у них, был дан решительный отпор. И в положенный час он в карете отправился с пятью своими кузинами в Меритон. Войдя в гостиную, барышни имели удовольствие услышать, что мистер Уикхем принял приглашение их дяди и теперь сидит в столовой за портвейном с другими джентльменами.

Когда, выслушав эту желанную новость, они расположились в гостиной, мистер Коллинз мог вволю ее осмотреть и пришел в восхищение. Его так поразили обширность комнаты и ее убранство, что, по его словам, он почти вообразил, будто находится в малой летней столовой Розингса. Сравнение это сначала было принято без особого удовольствия, но когда он поведал миссис Филипс, что такое Розингс и кто его владелица, когда она выслушала описание лишь одной из парадных гостиных леди Кэтрин и узнала, что только камин там обошелся в восемьсот фунтов, то поняла всю лестность его комплимента и, вероятно, не оскорбилась бы сравнением ее лучшей комнаты с комнатой тамошней экономки.

Превознося великолепие леди Кэтрин и ее резиденции с некоторыми отступлениями для похвалы собственному скромному жилищу и предпринятым им переделкам, мистер Коллинз весьма приятно провел время, пока к ним не присоединились джентльмены. В миссис Филипс он нашел внимательную слушательницу, его рассказы очень возвысили его в ее мнении, и она решила сообщить обо всем услышанном соседкам при первом же удобном случае. Барышни, которые не слушали кузена и не могли ничем заняться, ибо фортепьяно у тетушки не было, так что им оставалось лишь любоваться собственными подделками под фарфор на каминной полке, сочли ожидание

очень долгим. Однако и ему наступил конец. Джентльмены покинули столовую, и, когда мистер Уикхем вошел в гостиную, Элизабет почувствовала, что восхищение, которое она испытала, увидев его, и продолжала испытывать, думая о нем после, ни в малейшей степени не было чрезмерным. Офицеры полка, за небольшим исключением, выглядели истинными джентльменами, и лучшие из них были среди приглашенных, однако мистер Уикхем настолько превосходил их всех наружностью, осанкой, выражением лица и походкой, насколько сами они превосходили широколицего, дородного, окруженного парами портвейна дядюшку Филипса, который вошел в гостиную следом за ними.

Мистер Уикхем был счастливецом, на которого обратились почти все женские взоры, а Элизабет оказалась счастливицей, возле которой он сел. Приятность же, с какой он немедля завел разговор, хотя для того лишь, чтобы заметить, что вечер выдался сырой и надо ожидать дождей, заставила ее почувствовать, что самая обычная, самая скучная, самая приевшаяся тема может показаться занимательной благодаря искусству собеседника.

Рядом с такими соперниками на внимание прекрасного пола, как мистер Уикхем и офицеры, мистер Коллинз, казалось, обратился в полное ничтожество. Барышни, разумеется, совсем о нем забыли, однако он все еще порой находил в миссис Филипс благодарную слушательницу и ее заботами не испытывал недостатка ни в кофе, ни в горячих булочках.

Когда были разложены карточные столы, настала его очередь одолжить ее, дав согласие сесть за вист.

– Пока я еще не слишком искусен в этой игре, – сказал он, – но рад случаю приобрести опыт, ибо в моем положении...

Миссис Филипс была весьма благодарна ему за любезное согласие, но не стала выслушивать, какие причины побудили его согласиться.

Мистер Уикхем в вист не играл и вызвал живейшую радость, заняв место за другим столом между Элизабет и Лидией. Вначале, казалось, была опасность, что им всецело завладеет Лидия, говорившая без умолку. Однако лотерея нравилась ей не меньше, и вскоре она увлеклась игрой, заключала пари, ахала, выигрывая, и ничего другого уже не замечала. Мистер Уикхем поэтому в

ожидании своего хода мог без помех беседовать с Элизабет, а она охотно его слушала, хотя и не надеялась услышать то, что интересовало ее более всего: историю его знакомства с мистером Дарси. Она не посмела даже упомянуть этого джентльмена. Однако ее любопытство получило нежданное удовлетворение. Мистер Уикхем сам коснулся запретной темы, осведомившись, как далеко Недерфилд находится от Меритона, а когда она ответила, нерешительно спросил, как долго там гостит мистер Дарси.

– Около месяца, – ответила Элизабет и, желая поддержать этот разговор, добавила: – Насколько я понимаю, у него в Дербишире очень большое поместье.

– Да, – ответил Уикхем. – Оно великолепно. Приносит в год чистый доход в десять тысяч фунтов. И вам было бы трудно найти человека, более меня способного снабдить вас верными сведениями на этот счет, я с самых нежных лет был связан с его семьей особыми узами.

Элизабет не могла скрыть удивления.

– Вы в полном праве изумиться такому утверждению, мисс Беннет, так как, по всей вероятности, заметили холодность нашей встречи. Вы близко знакомы с мистером Дарси?

– Не более, чем мне хотелось бы! – горячо воскликнула Элизабет. – Я провела четыре дня в одном доме с ним и нахожу его весьма неприятным человеком.

– Мне не пристало высказывать мое мнение, – заметил мистер Уикхем, – насколько он приятен или наоборот. Я не вправе выносить суждение о нем. Я знаю его слишком долго и слишком хорошо, чтобы сохранить непредубежденность взгляда. Я не могу быть беспристрастен. Однако, мне кажется, ваше мнение о нем вызвало бы удивление... и, быть может, вы бы не выразили его столь сурово в другом месте. А здесь вы в лоне собственной семьи.

– Честное слово, здесь я сказала ровно столько, сколько готова повторить в любом доме тут, кроме Недерфилда. В Хартфордшире он никому не нравится. Всех возмущает его гордыня. И никто другой не отзовется о нем мягче.

– Не стану притворяться, будто я сожалею, – сказал Уикхем, на минуту отвлеченный игрой, – что его или любого другого человека оценили так, как он

того заслуживает. Однако с ним, насколько могу судить, это случается нечасто. Свет ослеплен его богатством и родственными связями или же напуган его надменными и властными манерами, а потому видит его таким, каким он хочет, чтобы его видели.

– Даже при нашем кратком знакомстве я сочла бы его человеком с дурным характером.

Уикхем только покачал головой.

– Хотел бы я знать, – сказал он, когда представился случай возобновить разговор, – долго ли еще он пробудет здесь.

– Мне это не известно, но, пока я оставалась в Недерфилде, никаких разговоров об его отъезде не было. Надеюсь, ваше желание поступить в ***ширский полк не переменится из-за его пребывания тут.

– О нет! Меня мистер Дарси отсюда не изгонит. Если ему не угодно встречаться со мной, то он должен будет уехать сам. Мы не в дружеских отношениях, и мне всегда тягостно его видеть, но у меня нет причин избегать его, кроме тех, которые я могу объявить всему свету: лишь обида на глубочайшую несправедливость и самые горькие сожаления, что он таков, каков он есть. Его отец, мисс Беннет, покойный мистер Дарси, был одним из лучших людей, когда-либо живших на земле. И когда я вижу этого мистера Дарси, мне душу ранят тысячи светлых воспоминаний. Его поведение со мной было возмутительным, но я искренне верю, что простил бы ему и это, и что угодно, но только не обман надежд его отца и оскорбление его памяти.

Элизабет была глубоко заинтересована и слушала всем сердцем, однако деликатность темы возбраняла какие бы то ни было расспросы.

Мистер Уикхем заговорил о Меритоне, его окрестностях, местном обществе, видимо одобряя все, что ему уже удалось увидеть, а о последнем выразился особо, с мягкой, но очень заметной хвалой.

– Поступить в ***ширский полк, – добавил он, – меня подвигла, главным образом, надежда обрести здесь добрые знакомства. Мне известно, что это весьма уважаемый, прославленный полк, а мой друг Денни еще больше соблазнил меня

своими рассказами о городе, где они сейчас квартируют: о превосходном обществе и радушии, которым они окружены здесь. Признаюсь, я не могу обходиться без общества. Я претерпел разочарования, и мой дух не вынесет одиночества. Мне необходимы занятия и общество. Я не предназначался для военной жизни, но обстоятельства сделали ее желанной. Моим поприщем должна была стать церковь, я был воспитан и получил образование, чтобы посвятить себя церкви, и сейчас имел бы завидный приход, если бы так было благоугодно джентльмену, о котором мы только что говорили.

- Неужели?

- Да. Покойный мистер Дарси завещал мне лучший приход из имевшихся в его распоряжении, когда тот станет вакантным. Он был моим крестным отцом и питал ко мне глубокую привязанность. Я не в силах воздать должное его доброте. Он намеревался щедро меня обеспечить и думал, что сделал это. Но, когда приход освободился, он достался другому.

- Боже великий! - вскричала Элизабет. - Но как же так? Как можно было так пренебречь волей покойного? Почему вы не прибегли к помощи закона?

- Этот пункт завещания был составлен столь неясно, что закон был бы бессилён. Благородный человек не мог бы усомниться в намерении покойного, но мистер Дарси изволил усомниться... или счесть его лишь пожеланием, заявив при этом, что я сам лишил себя всяких прав мотовством, легкомыслием, короче говоря, чем угодно или вовсе ничем. Безусловно одно: приход стал вакантен два года назад, как раз когда я достиг возраста, позволяющего получить его, но он был отдан другому. И столь же безусловно, что я не могу обвинить себя в том, будто правда тем или иным своим поступком заслужил его лишиться. У меня пылкий неосмотрительный нрав, и, быть может, я порой слишком несдержанно высказывал свое мнение о нем и ему. Ничего хуже я припомнить не могу. Беда в том, что мы совсем разные люди, и он меня ненавидит.

- Это неслыханно! Он заслуживает публичного изобличения.

- Рано или поздно он его не избежит. Но сделаю это не я. Пока я храню память о его отце, ему не угрожает от меня ни возмездие, ни обличение.

Элизабет воздала должное его благородству и подумала, что он еще никогда не выглядел столь красивым.

– Но что, – спросила она после некоторого молчания, – могло толкнуть его на это? Что заставило его поступать так жестоко?

– Глубокая неукротимая неприязнь ко мне, неприязнь, объяснение которой я могу найти лишь в зависти. Если бы покойный мистер Дарси меньше благоволил ко мне, возможно, его сын легче примирился бы со мной. Но необычайная привязанность его отца ко мне вызывала в нем злобу еще в отрочестве. Не в его характере было терпеть тот род соперничества, который возник между нами, то предпочтение, которое часто отдавалось мне.

– Я никак не предполагала, что мистер Дарси настолько низок. Хотя он мне никогда не нравился, столь дурно я о нем не думала. Я полагала, что он презирает людей вообще, но не подозревала, что он способен на такую изощренную месть, такую несправедливость, такую бесчеловечность.

После минутного размышления она продолжала:

– Но я помню, как однажды в Недерфилде он похвалялся своей неумолимой непреклонностью, своим неумением прощать. Его характер, видимо, ужасен.

– Я не могу позволить себе что-либо сказать, – ответил Уикхем. – Мне трудно быть к нему беспристрастным.

Элизабет снова задумалась и некоторое время спустя воскликнула:

– Обойтись так с крестником, с любимцем, с подопечным своего отца! – Она могла бы добавить: «И с молодым человеком вроде вас, чье лицо служит ручательством лучших качеств вашей натуры». Однако она сказала лишь: – И к тому же с тем, кто, вероятно, был товарищем его детских игр, связанным с ним, как, если не ошибаюсь, вы сказали, теснейшими узами.

– Мы родились в одном приходе, в пределах одного поместья и большую часть детства провели вместе. Обитатели одного дома, разделявшие общие забавы, предметы одной отеческой заботы. Мой отец начал жизнь на том же поприще,

на котором ваш дядя Филипс подвизается с такой честью, но он всем пожертвовал, лишь бы быть полезным покойному мистеру Дарси, и посвятил все свое время процветанию Пемберли. И мистер Дарси питал к нему высочайшее уважение, видел в нем самого близкого доверенного друга. Мистер Дарси часто признавал, сколь многим он обязан неусыпным трудам моего отца; и когда перед его кончиной мистер Дарси по собственной воле обещал ему обеспечить меня, я убежден, что им двигала не столь привязанность ко мне, сколь долг благодарности.

– Как странно! – вскричала Элизабет. – Как гнусно! Не понимаю, как гордость нынешнего мистера Дарси не заставила его быть справедливым к вам. Если не по каким-либо другим причинам, так из гордости он не должен был бы опускаться до бесчестности. Ведь иначе, как бесчестностью, я подобное назвать не могу.

– Это поистине поразительно, – ответил Уикхем, – ибо почти все его поступки проистекают из гордости; и гордость часто оказывалась его лучшим другом. Она сближала его с добродетелями больше иных его чувств. Но мы все непоследовательны, и его поступки со мной подсказывались побуждениями более сильными, чем даже гордость.

– Может ли такая чудовищная гордыня служить его пользе?

– Да, она часто заставляла его быть щедрым и великодушным. Щедро тратил деньги, щеголять гостеприимством, помогать арендаторам и смягчать нужду бедняков. Семейная гордость и сыновья гордость – ведь он очень гордится отцом – понуждают его к этому. Не опозорить свой род, не показать отсутствие похвальных качеств, сохранить во всей силе влияние дома Пемберли – это могучая побудительная причина. Он наделен и братской гордостью, которая вкупе с некоторой братской привязанностью сделала его очень добрым и заботливым опекуном младшей сестры. И вы услышите общую хвалу ему как лучшему и безупречнейшему из братьев.

– А мисс Дарси, какая она?

Он покачал головой:

– Хотелось бы мне назвать ее доброй. Мне больно говорить дурно о тех, кто носит фамилию Дарси. Но она слишком похожа на брата – очень, очень горда. Девочкой она была ласковой, славной и очень меня любила. А я часами старался развлекать ее. Но теперь она ничто для меня. Красивая барышня пятнадцатилетней и, насколько мне известно, превзошла все искусства, которые украшают благородных девиц. После смерти отца она поселилась в Лондоне, где с ней живет почтенная дама, следящая за ее образованием.

После многих пауз и многих попыток завести разговор на другую тему Элизабет не удержалась и вернулась к первой, сказав:

– Меня удивляет его дружба с мистером Бингли. Как мистер Бингли, который как будто сама мягкость и, мне кажется, истинно добр, может быть близок с подобным человеком? Что между ними общего? Вы знакомы с мистером Бингли?

– Нет.

– Он милый, покладистый, очаровательный человек. Видимо, он не знает, каков мистер Дарси на самом деле.

– Вероятно, нет. Однако мистер Дарси умеет нравиться, когда он этого хочет. Ему нельзя отказать в талантах. Он способен быть приятным собеседником, когда полагает, что это стоит его усилий. Среди равных ему по положению он совсем иной, чем с теми, кому судьба улыбнулась меньше.

Гордость никогда его не покидает, но с богатыми он непритязателен, справедлив, искренен, разумен, благороден и, может быть, даже обходителен – вдобавок к своему состоянию и красивой внешности.

Вскоре партия в вист кончилась, игроки перешли к другому столу, и мистер Коллинз занял место между своей кузиной Элизабет и миссис Филипс. Последняя, как положено, осведомилась об его успехах в картах. Они оказались не слишком велики: он проигрался вчистую. Но когда миссис Филипс принялась соболезновать ему, он с величайшей серьезностью заверил ее, что это сущие пустяки, что деньги для него безделица, и умолял ее не огорчаться.

– Я прекрасно знаю, сударыня, – сказал он, – что люди, садясь за карты, должны быть готовы к подобным потерям, и, к счастью, я не в тех обстоятельствах,

чтобы пять шиллингов представляли для меня какую-то важность. Без сомнения, многие не могли бы сказать того же, но щедротами леди Кэтрин де Бёр я свободен от необходимости обращать внимание на подобные мелочи.

Его слова привлекли внимание мистера Уикхема. Он некоторое время разглядывал мистера Коллинза, а затем тихим голосом осведомился у Элизабет, как близко ее родственник знаком с семейством де Бёр.

– Леди Кэтрин де Бёр, – ответила она, – совсем недавно дала ему приход. Не знаю, как мистер Коллинз стал ей известен, но знаком он с ней очень недолго.

– Вы, конечно, осведомлены, что леди Кэтрин де Бёр была родной сестрой леди Анны Дарси, и, значит, она тетка мистера Дарси.

– Нет, я не знала. О родстве леди Кэтрин мне ничего не известно. О самом ее существовании я услышала лишь позавчера.

– Ее дочь, мисс де Бёр, наследница огромного состояния, и никто не сомневается, что она и ее кузен соединят свои поместья.

Элизабет улыбнулась, подумав о бедной мисс Бингли. Как тщетны все ее уловки, как тщетна и бесполезна ее любовь к его сестрице и ее лесть ему самому, если он уже избрал себе другую невесту!

– Мистер Коллинз, – сказала она, – весьма высоко отзывается о леди Кэтрин и ее дочери, но, судя по некоторым его описаниям поступков ее милости, я подозреваю, что благодарность вводит его в заблуждение, и, хотя он облагодетельствован ею, она очень надменная и тщеславная женщина.

– Мне кажется, она именно такова, – заметил мистер Уикхем. – Я много лет ее не видел, но хорошо помню, что она мне никогда не нравилась и что ее манеры были в высшей степени властными и высокомерными. Она слывет весьма рассудительной и умной женщиной, но, полагаю, такому мнению о себе она обязана отчасти своему титулу и богатству, отчасти своему апломбу, а в остальном своему племяннику, которому угодно, чтобы все, кто с ним в родстве, отличались завидным умом.

Элизабет признала его объяснения очень убедительными, и они продолжали беседовать к взаимному удовольствию, пока ужин не положил конец игре и остальные барышни не потребовали своей доли внимания мистера Уикхема. В шуме, царившем за столом миссис Филипс, поддерживать беседу было невозможно, но его манеры расположили к нему всех. Что бы он ни сказал, было сказано умно; что бы он ни сделал, было сделано безупречно. Элизабет отправилась домой, занятая мыслями о нем. Всю дорогу она думала только о мистере Уикхеме и о том, что он ей рассказал. Но хотя бы упомянуть его имя вслух она не смогла, так как ни Лидия, ни мистер Коллинз не умолкали ни на минуту. Лидия болтала о лотерее, о призах, которые выиграла, и о призах, которые проиграла. А мистер Коллинз, описывая радушный прием, оказанный ему мистером и миссис Филипс, заверяя, сколь мало для него значит проигрыш в вист, перечисляя все блюда, подававшиеся за ужином, и без конца осведомляясь у кузин, не слишком ли он их стесняет, мог бы еще многое добавить к сказанному, когда карета остановилась перед домом барышень.

Глава XVII

Наутро Элизабет рассказала Джейн о своем разговоре с мистером Уикхемом. Джейн слушала ее с удивлением и тревогой. Она не могла поверить, что мистер Дарси настолько не достоин дружбы мистера Бингли, однако не в ее натуре было усомниться в правдивости человека столь располагающей внешности, как Уикхем. Мысль о том, что он и вправду стал жертвой подобного бессердечия, взволновала все ее чувства, и ей ничего не оставалось, кроме как думать хорошо о них обоих, оправдывать поведение каждого и приписывать воле случая или ошибке все, что не находило иного объяснения.

– Полагаю, они оба были введены в заблуждение, – сказала она, – но как и почему, мы не можем догадаться. Корыстные, недобрые люди могли очернить их друг перед другом. Короче говоря, мы не в силах представить себе причины или обстоятельства, которые могли посеять вражду между ними, причем не возложив вину на одного из них.

– Совершенно справедливо. А теперь, душечка Джейн, что ты можешь сказать в пользу корыстных, недобрых людей, столь вероятно во всем этом замешанных? Пожалуйста, оправдай и их, не то мы будем вынуждены думать о ком-то дурно!

– Смейся сколько пожелаешь, но твой смех не заставит меня переменить мнение. Душечка Лиззи, только подумай, в каком гадком свете предстанет мистер Дарси, если он так обошелся с любимым протеже своего отца, с тем, кого его отец обещал обеспечить! Это немыслимо. Ни один порядочный человек, ни один человек, сколько-нибудь дорожающий своей репутацией, на подобное не способен. Как могли бы его ближайшие друзья настолько в нем обмануться? О нет!

– Мне куда легче поверить, что доверием мистера Бингли злоупотребили, чем предположить, что мистер Уикхем способен сочинить такую историю о себе, какую он рассказал мне вчера. Фамилии, факты, ну, словом, все назывались и перечислялись без утайки. Если это не так, пусть мистер Дарси опровергнет его. Не говоря уж об искренности, которой дышит его лицо.

– Да, это очень трудно, очень тягостно. Просто не знаю, что и думать.

– Прошу прощения, нет никаких сомнений, что следует думать.

Однако Джейн не сомневалась лишь в одном – в том, как мистер Бингли, если он и вправду обманут, будет страдать, когда дело приобретет огласку.

Тут появление кое-кого из тех, о ком шел их разговор, заставило барышень покинуть сад, где они его вели.

Мистер Бингли и его сестры заехали, чтобы самим пригласить их на долгожданный бал в Недерфилде, назначенный на следующий вторник. Обе сестрицы были в восторге вновь свидеться со своей милой подругой, восклицали, что прошел целый век, как они расстались, и вновь и вновь осведомлялись, что она делала во время их разлуки. Остальных членов семьи они не удостоили внимания: как могли избегали миссис Беннет, Элизабет сказали два-три слова, а младшим сестрам ни единого. Очень скоро они собрались уехать и поднялись со стульев в поспешности, которая захватила их брата врасплох, и торопливо вышли, словно стараясь избежать любезностей миссис Беннет.

Вся семья, кроме мистера Беннета, с нетерпением предвкушала бал в Недерфилде. Миссис Беннет уверовала, что он дается в честь ее старшей дочери, и была особенно горда тем, что приглашение получено из уст самого

мистера Бингли, тогда как другим придется довольствоваться лишь карточкой. Джейн в мечтах представлялся счастливый вечер в обществе двух ее подруг среди знаков внимания их брата. А Элизабет с удовольствием думала, как будет танцевать с мистером Уикхемом и увидит подтверждение всему в выражении лица мистера Дарси и его поведении. Счастье Лидии и Кэтрин менее зависело от одного события или от одного человека: хотя обе они, подобно Элизабет, собирались половину вечера танцевать с мистером Уикхемом, но удовольствовались бы приглашениями других кавалеров; да и бал – это ведь всегда бал. Даже Мэри заверила родителей и сестер, что ничего против бала не имеет.

– Пока я могу проводить утро за своими занятиями, – сказала она, – этого достаточно. Для меня не жертва иногда присоединяться к вечерним увеселениям. Общество имеет права на нас всех, и я принадлежу к тем, кто полагает, что перерывы для отдыха и развлечений полезны каждому.

Элизабет пребывала в таком веселом настроении, что, обычно избегая разговоров с мистером Коллинзом, кроме самых необходимых, она не удержалась и спросила, намерен ли он принять приглашение мистера Бингли, а если да, то сочтет ли приличным участвовать в бальных развлечениях. И была несколько удивлена, услышав, что он не видит этому никаких препон и отнюдь не опасается выговора архиепископа или леди Кэтрин, если и сам пройдет в танце разок-другой.

– Уверяю вас, я вовсе не склонен считать, – сказал он, – будто бал, который дает молодой человек безупречной репутации, приглашая самые почтенные семейства, может таить в себе что-либо предосудительное. И я настолько не противник танцев, что надеюсь в течение вечера пройтись с каждой из моих прелестных кузин и пользуюсь этим случаем, чтобы ангажировать вас, мисс Элизабет, на первые два танца. Предпочтение, каковое, уповаю, моя кузина Джейн истолкует верно и не сочтет неуважением к своей особе.

Элизабет почувствовала, что попала в ловушку. Она не сомневалась, что на эти танцы ее пригласит мистер Уикхем, – и взамен получить в кавалеры мистера Коллинза! Ее живость оказала ей скверную услугу. Однако оставалось только смириться. Счастье мистера Уикхема и ее собственное придется несколько отложить, и приглашение мистера Коллинза было принято со всей любезностью, какую ей удалось найти в себе. Его галантность тем более ее удручила, что она усмотрела в ней намек на нечто большее. Ей впервые пришло в голову, что из

всех ее сестер она была сочтена наиболее достойной стать хозяйкой в доме священника хансфордского прихода и, в случае необходимости, занимать место четвертого партнера за карточным столом в Розингсе. Мысль эта вскоре переросла в убеждение, когда она заметила, насколько любезнее он стал с ней, и услышала, как часто он тщится сделать комплимент ее уму и веселости характера. Хотя она была более удивлена, нежели польщена торжеством своих чар, вскоре маменька дала ей понять, что будет весьма довольна этим браком. Элизабет, однако, предпочла пропустить этот намек мимо ушей, так как отдавала себе отчет, какие настояния может повлечь ее ответ. Мистер Коллинз, возможно, все-таки не попросит ее руки, а до того ссориться из-за одного лишь предположения не имело смысла.

Если бы бал в Недерфилде не требовал приготовлений и не давал бы пищи для разговоров, участь младших мисс Беннет в эти дни была бы печальной, ибо со дня приглашения до дня бала противные проливные дожди не позволили им хотя бы разок побывать в Меритоне. Нельзя было навестить тетушку, повидать офицеров, заручиться новостями; за бантами для бальных туфель и то пришлось послать слугу. Даже для терпения Элизабет погода, воспрепятствовавшая укреплению дальнейшего знакомства между ней и мистером Уикхемом, оказалась тяжким испытанием, и лишь будущие танцы во вторник помогли Китти и Лидии вынести такие пятницу, субботу, воскресенье и понедельник.

Глава XVIII

До того как Элизабет вошла в недерфилдскую гостиную и тщетно искала взглядом мистера Уикхема среди созвездия алых мундиров, собравшихся там, она ни разу далее не подумала, что его может там не быть. Уверенность во встрече с ним не поколебали даже воспоминания о некоторых подробностях их разговора, которые, здраво рассуждая, могли бы вызвать в ней тревогу. Она оделась с особой тщательностью и с живейшей радостью приготовилась покорить все, еще не завоеванное в его сердце, с твердой надеждой, что для этого будет достаточно одного вечера. Но единого мига оказалось достаточно, и ее охватило страшное подозрение, что его фамилия была намеренно опущена в приглашении, которое Бингли послал офицерам, и, разумеется, по наущению мистера Дарси. Хотя это оказалось не совсем так, его друг, мистер Денни, у которого Лидия потребовала объяснений, подтвердил, что Уикхема на балу не

будет; накануне ему пришлось отправиться в Лондон по делу, и вернуться он не успел. После чего мистер Денни добавил с многозначительной улыбкой:

– Полагаю, никакое дело не заставило бы его уехать, если бы он не пожелал избежать встречи здесь с неким джентльменом.

Лидия не обратила внимания на эти его слова, но Элизабет хорошо их расслышала, и они убедили ее, что мистер Дарси столь же повинен в отсутствии Уикхема, как если бы подтвердилась ее первая догадка. И разочарование настолько усилило ее неприязнь к первому, что она едва сумела ответить с положенной вежливостью на учтивые вопросы, с какими он в эту минуту обратился к ней. Внимание, снисходительность, терпение по отношению к Дарси были оскорблением Уикхему. Она твердо решила не вступать с ним в разговор и отвернулась от него с раздражением, которое не сумела совсем подавить, даже разговаривая с мистером Бингли, виновным в слепой доверчивости.

Однако Элизабет не была создана для дурных настроений, и хотя все ее надежды на этот вечер рушились, обычная живость вскоре взяла верх, и, поведав все свои горести Шарлотте Лукас, с которой не виделась целую неделю, она вскоре с охотой перешла на глупости своего кузена и порекомендовала Шарлотте последить за ним. Однако первые два танца вновь погрузили ее в пучину уныния. Они явились тяжелым испытанием. Мистер Коллинз, неуклюжий и самодовольный, извинялся, вместо того чтобы следить за музыкой, и часто выделывал не те па, даже не замечая этого, и она испытывала весь тот стыд и всю горечь, которые способен причинить в течение двух танцев неумелый кавалер. Миг, когда она освободилась от него, был мигмом блаженства.

Затем она танцевала с офицером и повеселела, так как могла заговорить об Уикхеме и услышать, что он нравится всем. Когда настал перерыв в танцах, она вернулась к Шарлотте Лукас и разговаривала с ней, как вдруг увидела перед собой мистера Дарси и так растерялась, услышав его приглашение на следующий танец, что согласилась, не успев спохватиться. Он тотчас отошел, и ей оставалось только досадовать на свою неосмотрительность. Шарлотта попробовала ее утешить:

– Возможно, ты найдешь его приятным кавалером.

– Боже сохрани! Это было бы хуже всего! Признать приятным человека, которого решила ненавидеть! Не желай мне подобного зла.

Когда музыка снова заиграла и Дарси направился к ней, Шарлотта не удержалась и шепотом посоветовала ей не быть дурочкой и не допустить, чтобы благосклонность к Уикхему заставила ее уронить себя в глазах человека, стоящего в десять раз выше него. Элизабет не ответила и заняла свое место в середине залы, поражаясь тому, сколько чести ей придало приглашение мистера Дарси, и читая в глазах окружающих, что они поражены не меньше. Некоторое время они танцевали молча, и ей начало казаться, что молчание это продлится до конца танца, но сначала она твердо решила не нарушать его. Однако тут же ей пришло в голову, что для ее кавалера будет меньшим наказанием, если она заставит его говорить, и тотчас она произнесла несколько слов о следующем па. Он ответил и вновь умолк. После долгой паузы она заговорила с ним во второй раз:

– Ваш черед что-нибудь сказать, мистер Дарси. Я высказала мнение о танце, а вам положено сказать что-нибудь о величине залы или о числе танцующих.

Он улыбнулся и заверил ее, что как бы уже сказал все, что она пожелала от него услышать.

– Отлично. Пока этого ответа достаточно. Быть может, потом я смогу заменить, что балы, которые дают у себя дома, много приятнее ассамблей, но сейчас мы можем помолчать еще немного.

– Так, значит, вы, когда танцуете, разговариваете, придерживаясь правил?

– Иногда. Видите ли, немножко говорить необходимо. Провести полчаса вместе в полном молчании – это ведь странно. Тем не менее для угождения некоторым людям разговор следует вести так, чтобы они могли обременить себя не более чем двумя-тремя словами.

– Вы сейчас советуетесь с собственными чувствами или полагаете, что потакаете моим?

– И то и другое, – ответила Элизабет с лукавством. – Я ведь всегда замечала большое сходство в складе наших натур. Мы оба чуждаемся общества,

молчаливы, не склонны говорить, если только не уверены, что слова наши поразят всех присутствующих и будут сохранены для потомства, превратившись в поговорку.

– Мне кажется, тут мало сходства с вашим характером, – сказал он. – Насколько такое описание близко к моему, судить не берусь. Вы же, без сомнения, считаете портрет верным.

– Мне не пристало оценивать свой талант.

Он не ответил, и они вновь умолкли, но после нескольких фигур он заметил, что она и ее сестры как будто довольно часто совершают прогулки в Меритон. Она ответила утвердительно и, поддавшись искушению, добавила:

– Когда вы нас видели там на днях, нам как раз представился случай завести новое знакомство.

Эти слова произвели немедленное действие. Его черты изобраили еще большую высокомерность, но он не сказал ни слова. А Элизабет, пеняя себе за слабость, не решилась продолжать. В конце концов молчание нарушил Дарси, сказав очень сухо:

– Мистер Уикхем наделен такими располагающими манерами, что они помогают ему приобретать друзей, но способен ли он сохранять их, – не столь достоверно.

– К своему несчастью, он лишился вашей дружбы, – ответила Элизабет многозначительно, – и при обстоятельствах, от которых, вероятно, будет страдать всю жизнь.

Дарси не ответил и, видимо, хотел переменить тему. В эту минуту рядом с ними оказался сэр Уильям Лукас, пробиравшийся между танцующими в другой конец залы. Однако, увидев мистера Дарси, он с учтивейшим поклоном остановился, дабы выразить свое восхищение тем, как он танцует, а также его дамой.

– Право слово, я весьма в восторге, любезный сэр. Не часто увидишь такое изящество в танце. Сразу видно, что вы принадлежите к высшему свету. Позвольте мне, однако, сказать, что вашу прекрасную даму вам не в чем

упрекнуть и что я надеюсь часто иметь это удовольствие, особенно когда произойдет некое желанное событие, дражайшая мисс Элиза. – Он посмотрел на ее сестру и Бингли. – Какие тогда начнутся поздравления! Мистер Дарси – свидетель, но не буду вам долее мешать, сударь. Вы не поблагодарите меня за то, что я отрываю вас от обворожительной беседы с барышней, чьи прелестные глазки уже укоряют меня.

Дарси почти не слушал завершения этой тирады, но намек сэра Уильяма, касавшийся его друга, казалось, произвел на него значительное впечатление, и его глаза с самым серьезным выражением обратились на танцующих вместе Бингли и Джейн. Однако он тут же взял себя в руки, обернулся к своей даме и сказал:

– Сэр Уильям перебил нас, и я забыл, о чем мы разговаривали.

– Мне кажется, мы вовсе не разговаривали. Сэр Уильям не мог бы перебить в этом зале пару, которой было бы меньше что сказать друг другу, чем нам. Мы уже испробовали две-три темы без всякого успеха, и не могу себе представить, о чем еще мы можем поговорить.

– Ну, а если о книгах? – сказал он с улыбкой.

– Книги? О нет! Полагаю, мы не читаем одни и те же книги, а если и да, так с совсем разными чувствами.

– Мне жаль, что вы держитесь подобного мнения, но, если дело и обстоит так, какая это будет богатая тема! Мы сможем сравнить наши столь различные мнения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://telnovel.com/ru/dzheyne-ostin/gordost-i-predubezhdenie>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)